

СМЕНА

18 АВГУСТА — ДЕНЬ АВИАЦИИ

№ 10

ИЮНЬ
1933

Изд-во ЦК ВКП/б/ „ПРАВДА“

СЛЕДЫ

Литературно-художественный общественно-политический и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издательство «Витязь», «Правда»

№ 10

1933

10-й год издания

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 2-89-28

НОНСТ. ПАУСТОВСКИЙ

Рис Л. Бродаты

РИМ РАССКАЗ

I. МАСЛОБОЙНА „АЛЬФА ЛАВАЛЬ“

Агроном Хачатур, низенький старик с седыми седрыми усами, любил философствовать.

— Ай Амарджистан! — скавал он. — Ай страна! Вот страна, где перепутались все столетия. В Батуме теплотехло, электричество, заводы Азери и милионеры под зонтиками — кварта, двадцать лет, в Хуло уже повинают семидеятим веком, а где-нибудь на Горджокой яйла вываивают огонь кремнем и варят сыр в десять нудов весом из грязного молока с шерстью. Такие сыры варили еще в каменном веке. Если вам это интересно, — почитайте.

Он встал из-за моринджотого портфеля доклад, переписавший на машинке через красную ленту. Доклад назывался «Отчет о поездке на Горджоком яйлу в августе прошлого года совместно с комсомолом Али Сахарраде и директором селекционной фабрики Падико Варназде».

Титул вписанной в фамилию Варназде, Хачатур проформотал:

— Твое комсомолка, женщина.
Я ждал доклад в ушле в гостинице. За окном качались на малястиках бокала тыщины иннак звезд. Я путал их с портювыми фенарми и пародными сигиллами. Таравама волниной с мышат бегал вокруг моего чомодана и всю ночь не давали уснуть. Поэтому я прочел доклад Хачатурю очень внимательно.

— Прежде чем дать отчет о поездке, я остановился на описании Горджокой яйлы как места весьма своеобразного.

Яйла это, являющаяся летним пастбищем, расположена на вершинах гор. Свет на эти пастбища выпадает в половине мая, когда в семенах начинают зреть посевы кукурузы. Возвращается свет к концу сентября. Со светом уходит в горы преимущественно женщины и дети.

На пастбищах строят двухэтажные дома со шестистыми стенами из тонких бревен. Внизу стоит скот, верху яйлу люди, продающие от испарений яarrow и облава блох.

Посреди дома устроен очаг, на котором готовят пищу и варят сыр. Довт скот в деревянные веревки — «холот», вымени из моют, молоко не процеживают. Масло сбивают кистью руки. Сбивание продолжается три часа. Масло имеет отвратительный вид грязь белого цвета с примесью волос и сора.

На летнего молока готовят сыр «пиндиш», а из сметаны — «куртур», сушат лепешки, высушенные у непривычных людей рвоту.

На Горджоком яйлу я выехал для внедрения в быт спитоводов звонк, увеличенных методов ухода за скотом и приготовления молочных продуктов. Со мной в качестве помощника выехала комсомолка-адалькер Али Сахарраде, а также директор селекционной фабрики в Батуме Падико

Варназде, имевшая намерение завербовать в работники своей фабрики нескольких деушкых-адалькер.

Мы язали с собой маслобойну «альфа лаваль» и сепаратор. Бедал иши Али Сахарраде.

Мы оба очень радовались присутствию Падико — без нее работа на яйле среди женщин была бы совершенно немаслама. 17 августа утром мы выехали на села Горджома и к вечеру уже были на яйле Диван-Давери, куда был согнан скот из двух ближайших селений. Через час после нашего приезда собрался мужичин яйла. Они с опаской поглядывали на сепаратор. У большинства в руках были зонтики на случай внезапного в тех местах дождя.

Али об'яснил устройство машин и нушта ее в ход. Сепаратор все время аворался, так как в молоко оказалось множество жира. Потом мы пропустали сливки через маслобойку и менише чем в четверть часа получали прекрасное масло.

Поднялся страшный крик, мужичин хватан за руки, гладил маслобойку, потом потащил ее из дома в дом, и каждый сбивал себе масло, не подпуская к маслобойке детей.

Принесите сливки к нам горим решительно отказался, извинившись при этом и сообщив, что вынести сливки из дому нельзя, так как их могут украсть.

Падико, воспользовавшись случаем, соблаговлещи и уговорила троих отдать своих дочерей на фабрику.

20 августа мы выехали на яйлу Саджонга. Случ с ишши путешествовать по яйле дошла сюда раньше нашего приезда, и в Саджонге собрался народ со всех окрестных яйл посмотреть большевистскую машину.

В Саджонге произошло несчастье — ночью была украдена маслобойка. Вечером шел дождь, но на утро мы все надели около нашего дома никаких следов. Вор, как об'яснил нам хозяин, подошел к дому по разостланной бурке, дабы не оставлять следов.

Утром Саджонга являла собой картину неогороженного возбуждения. Казалось, что горим горят и войне. В домах кричали, мужичин чистили старые ружья, женщины рыдали и язали на себе волосы, оплавывая маслобойку. Дело в том, что саджонгичи к ней привычались и хотели ее купить.

В дождь появились милиционер Овар-Оган, маршав завышавший, что маслобойку украл мужичин с яйла Домаджара и что живыми они ее не отдадут.

Возбуждение достигло предела. Мужичин всекали на лошадей и готовились с воинственными и гортанными криками мчаться в Домаджару. Им предшествовала кровавые события. Даже Падико, привычная к адалькерим нравам, была испугана.

Видяний равносила слух о новых машинах

Положение спас Али Сахарраде. Он произнес речь. Он выкрикивал все малоразным голосом. Он призывал к благомузмию и даже скавал, что кража маслобойки является фактом правоистальным, ибо свидетельствует о страстном желани горцев узнатьить свое первоботное хозяйство. Советская власть прилетит на яйлу много маслобок и половаться нечего. Что же касается украденной, то она будет найдена и передана в качестве подарка от комсомолке жителям Саджонга.

Страсти утихли, и за маслобойкой поехали двое: Али и милиционер, сильно напуганный всем случившимся.

К вечеру они вернулись с маслобойкой и рассказали, что ее украл некий Бишшадан, биндичи района Сужинского района. Отдавая маслобойку, он плакал и рассказывал, что у себя в Сужинских болах он силов и яйлом был вынужден собирать посев кукурузы, плава на зарывной лодке по равинам рек и болот. Этот факт он приводил в качестве оправдания — послэ стола тяжела условия работы у себя на родине он был потрясен той легкостью, с которой машина заменена человеком.

Несколько оправдания Бишшадан дали левод Али расславать жителям гор о громадных работах, предпринятых советской властью для осушения Путьишкис маринджотых болот, где в недалеком будущем заидут лимонные сады, а рис и индийская пшеница заменят собой грубую кукурузу.

По случаю возвращения маслобойки жители Саджонга устроили пир и пляски и согласились отправить на селекционную фабрику в Батум двух девочек. Мы уехали, прощаясь с благодарностями. На обратном пути нас нагнал посланец от жителя селения Хилаван из Верхней Аджары и предложил прислать их кохозу три сепаратора и столько же маслобок. Случ о новых машинах летел по горам со скоростью телеграфа, что развостан яданий, и яйла волновалась, как потрясенный ушей.

2. ХУДОБА ОТ НЕЖНОСТИ

Пальню Варназе два года назад носила шару. Сейчас она внимательно и открыто смотрит в глаза собеседников-мужчин. От ее рук едва слышно пахнет сырм сыром.

Ее отец, семидесятилетний аджарец из Кобулет, недавно вступил в партию. Его приняли, несмотря на дряхлость, — старик воспитал нескольких сыновей, ставших видными аджарскими революционерами.

Пальню Варназе два года назад, по ее словам, было плохо, очень плохо.

— Я худела от нежности, — говорит она и смеется горько и застенчиво. — Не от нежности к детям или к кому-нибудь из мужчин, — добавляет она, совершенно смущившись, — а от необходимости очень нежно обращаться с работниками-аджарцами. Им нельзя сказать ни одного строгого слова. Их надо обучать делу очень ласково и терпеливо. Когда они ошибаются, то плачут, эти мои дочки. Я не директорша фабрики, я — мама, а фабрика — наша общая семья.

Среди работников фабрики много аджаров из густых горных дымов, пограничных с Турцией. До сих пор они с угрюмой дикостью смотрят на мужчин. Их прыгие брови широко складывают над детскими пестышками глазами.

По вечерам работники ходят в клуб фабрично-заводского ученичества. Тамда заныли у них интересы, как у юнцов. В Батуми они впервые увидели электрические огни, оживленные провозды, книги, услышали звонки телефонов. Приобретение и культура у них идет так же стремительно, как стремительно рождает тучная почва Аджарские плоды и деревья: здесь достаточно трех лет, чтобы вырастить дерево, по величине равное нашему тридцатилетнему.

Через два месяца аджарские девушки превращаются в комсомолок, очень сдержанных, полных глубокого внутреннего достоинства и врожденной стройности, но бесконечно чувствительных ко всякому грубому слову.

Потому и худож Пальню. Иной раз и надо бы рассердиться со всей силой аджарского темперамента по поводу нежности. Это равносильно оставке фабрики, равносильно предательству. Тотчас же девушки заплачут, завываются, махиным пойдут ко-каки, нитки начнут рваться и угроза прорыва станет реальной и почти неустранимой. Из работы на шелковой фабрике девушки-аджарки выноят тысячекратно навязки, возмущенные в торах в непрерывной работе по изготовлению ковров и тканей, — тщательное, молчаливое упорство, умение вымалывать порванную нить, не толще тончайшей ниточки.

Фабрика окутана блеском и обласканы желтого шелка, так иногда блестит на расцветах морская вода. В окна дует бриз. И слышно, как шумо шелестит, перебирая зелеными пальцами, молоденькие пальцы.

Только на затаках девушки-аджарки хорошо видны отдаленную родину — медные горы, покрытые рваным покрывалом снегов и молочные от низкого, быстро доразгорающего света. Горы, где матери до сих пор закрывают рот пыльными шерстяными платками, но уже все реже ходит в холодную мешку бормочет молитвы перед алтаром, провалившим весь мир в бессильную злобу на большинство.

В ясные часы с этих пор под борманье и блеские стал виден купол синих огней над Батумом, похолой из далекий рассвет. Матери вымалют, вспоминая дочерей. Они терпеливо ждут лета,

Она работает рядом с дочерью, не снимая платка...

когда дочери придут в отпуск и привезут рассказы о непременной независимости жизни.

Матери плачут, вспоминая, как тутосомы замес отцом не смеют кричать на дочерей, как кричат из них, беспомощных старух, а чужие мужчины первыми беспомощны из дочерей и уступают им дорогу.

По домам идет слух о старухе Фадима, не выдержавшей разлуки с дочерью, бросившей своего старика — да будет он проклят со своим табаком и ленью! — и ушедшей в Батум на фабрику. Горы ждали, примет ли Фадима, не проглотит ли ее обратно.

Фадима приняла, и она работает рядом с дочерью, не снимая платка. Дочь смеется над ней, но старуха терпит и виновато улыбается, — привычка, только привычка, без платка ей все равно холодно.

Пальню делает вид, что верит старухе, и никогда с ней не спорит о платке.

3. ПОГОНЯ ЗА НУТРИЕЙ

Этот случай мне рассказал лучший в Кохлебе охотник-мингрел Гуали.

Гуали долго переворачивал его ружейный ствол

Ранней весной Гуали пошел на охоту к старому, давно заброшенному каналу Нелодар, в глубины Потийского болота. Дело было рискованное, май-

ский восторженный шаг грозила гибелью в трясинах. Гуали достал дощатую дрыную лодку и пробрался на ней в Нелодар. По каналу, как по трубе, стремительно валила мутная вода. Пристыть началось — берет заросла ольхой, перешел кюльчиными алынами.

Гуали убила нескольких уток и собирался уже выбраться на суше место для ночлега, но внезапно окоченел — на берегу сидел, вымалывая шерсть, страшный зверь, похожий не то на гигантскую крысу, не то на бобра. Во всяком случае это не была выдра, — выдра Гуали шл с чем спутать не мог.

Гуали приахонился и выстрелил. Зверь был убит наповал. Гуали долго переворачивал его ружейным стволом, боясь взять руками, — впервые в жизни он видел такое косматое и страшное животное с четырьмя жесткими ахонданными ресницами, острыми, как новенькие бритвы.

Гуали принес добычу в Потю в сезон охотников, где и была немедленно изобличена в браконьерстве и предан суду.

На суде выяснилось, что убитая нутрия — аргентинское водное животное. Год назад Союзалунция выпустила нескольких нутрий в Потийские болота для размножения. Гуали об этом не знал. Он очень выжилился перед судом, разложил руки и недоумевал: «Что ты, лад? Кто говорит, что можнобить запрещенного зверя, вышла ошибка из-за незнания».

Суд кончился удачно — Гуали заплатил штраф, а само охотничье животное его как лучшего знатока болота наблюдалось за нутрией.

Жизнь потекала спокойно, но летом из Батума приехал с русской эскадрией комсомолец-аджарец Али Сахарадзе и началось неприятности.

Гуали потом долго жаловался на Али своего Потю — чистильщиком сапог, завладевающим чайником, кустарям, изготовляющим курительную бумагу, и даже музыкантам в городском саду.

— Помните, как, зачем поехали? Считаю, сколько зверя вывезлось. В чем дело? Как считать,

что считать, когда зверь к себе не пускает, за двести шагов смекает в воду! Хватают меня, — едем! Как ехать, когда в Нелодаре вода идет брызгами, а в Потю вода идет в шты, и нет ни одного сухого места! Русские начали думать, но Али сказал: «Ехайте, и ничего вам!» Вы Гуали не слышали, он трус? Я пошел пачками. С кем я буду спорить, с мальчишкой? Он спрашивал меня, видел ли я молодых нутрий. Я сказал: «Видел четырех, видел хвостовую нору, около валется рыба». Он смеется: «Им видно там совсем не был, старик. Зачем выдумываешь? Этот зверь рыбак не ест, а кушает только корни от водной травы». И мы поехали. И в озере Палеостом нас заваляло водой, я хотел повернуть в Потю, но Али не позволил. И в Нелодаре нас несло, как тушу буйвола, привалившую в пародулу, и трещали весла, и я хотел повернуть обратно, но Али не позволил.

Двадцать дней, как, мы проехали в болоте, двадцать дней, как один, и у нас вышла весь хвост и весь сыр, и я хотел идти домой, но Али захричал на меня и не позволил.

И на двадцать третий день он увидел наконец вывозок нутрий, около тридцать штук, и два мне пширок и разрешил всем возвращаться обратно. Он дал мне пширок и денег и сказал: «Видно ты был лучший охотник от Нуци до Хопи только для своего кармана, а я сейчас тебя быль лучшим охотником для советской власти».

Я молчал. Что я могу сказать мальчишке! «За вывозку убитую нутрию, — сказала он мне едущим отсюда, — ты должен был сказать, что ты был лучшим охотником от Нуци до Хопи только для своего кармана, а я сейчас тебя быль лучшим охотником для советской власти».

Нало ли добавлять, что три года назад Али Сахарадзе был совершенно неграмотным.

Потю. Аджаристин.

ОГОНЬ

Рассказ

Трубуясь без света. Омлтный шофер наудочу повел машину.

Скорю, выехал на грунтоую дорогу, автомобиль пошел второй скоростью. Шофер принался в руль, направило до села Глазго.

Постовник молчал. Ваня Беронков вздохнул, сказав, мотор заглушил снова:

— Такая же ночь... ночь... была.

Но поговоришь по селам, или не удалитесь от ночной, или добавил:

— Селские горело тогда.

Сидевший рядом Каников откликнулся:

— А?

— Ну да. Значит, Сеанте. И я...

— Сгорел? Захватил, нет у тебя избу-то?

— Нет, как же, нет. Неправдашная—лучша.

Люди, чтобы мстить, уходят в теньную нага га селт селт ваме вздохнул Глазго. Ваня спотрога в теньную, и перед ним встали родича деревенская ушля и карая лошадь во дворе.

Прохлада астилась, мизла немю, почала за вор... Ваню бросало в леглый озвон. Он толкнул Каникова.

— А...—отозвался тот.

Ваня вплотную приблизился к другу.

— Да смейся, ну да смейся, ба едет каждую ночь? Чудно. Прейде в ямбар смейтца, а потом каруנית... Пять ноше мотался с тобой, а толде? Оно выдумки ваши. Врэг... класовый! Выдумки это толде? Кому вы повалили?

Каников рыжком привстал:

— Насоали, Ваняга, гад буда, васоали.

Сказов овно каники были едва заметны: рядом с шофером сидели бригады Янук и бороздаты Чало.

Про Чалоого бродила в совхозе саухи, будто бы весной какой-то прохойжил опознал в нем своего земляка, сына благоничного, и что будто бы настоящая фамилия Чалоого Боговоянский. Саухам не верили.

Чалый продолжал работать комбайнером, много шутка с молодежью, рисовал в стенигетсе картины.

Но Ваня, как и Каников, недолюбовал Чалоого. Он еще раз посмотрел в окно кабинки и толкнул Каникова:

— Смейся, гаши-ка! Нугаши ка!

Каников крикнул к окну абом:

— Кто же Чалому разрешил...

— Попориса старик, зм его и взвях.

— К чему он с нами едет?

Автомобиль зашуршала по жиньяно и стал. Однинадцатый человек попрыгал с гру-ювника и, пританисав, пополал.

— Кто тут? Стрелять буду!—закричала сторож.

— Мыл!—вскочил Янук, а за ним поднялись остальные.

— Саои!

— Пост...догадася сторож...Эй, ребята, закурите бы!

Постовник не удабавлял. Оди, молча протянула сторожу папирскую, и все всринулся к машине.

И опять автомобиль унегал в ночь.

Постовник кажется, что они одинок в без-ограничной пустой тьме, что они летат. А шофер удивляется достаточно остро видеть дорогу. Ваня тоже удивляется и налетовую темноту. Вот же секрет пшеница. А вот она, сороватая, обнаещается, и начинается черная пуста.

— Пар!—догадывается Ваня.

Он, тракторист-новичок, постигал здесь дием хитрости «фордована». Ваня прихватается, акктурируется до ламочы в глазах и, тьерпо мило рас-положение полевой завривки, мысленно видит: комбайны, а на отшибе в борозде «фордован», то «фордован», на котором он унегит. Слова живнее хрещит, шуршит под колесами.

— Кто это?—пугается сторож.

— Кто это?—пугается сторож.

— Нет, право нет,—забавляясь сторож,—мож-но ли починять в такую пору?

— Нельзя, а ты...

— Да будет вам. Задумался я чуточку.

Роботам показавлось, что сторож незначитель-ный: сидит на месте, а к этуу замечившая засвет. Од-екали еще два участка и вернулись.

Остановив машину почти у самой дороги, Янук, осторожно ступая, крутым шагом пошел вперед, следом Чалый, а за ними тронулись остальные.

Ваня не заметил, какими ушел Каников. Хав-тигшись его, бросился обогнуть предпо-следнего парня, но тот дернул его за комбинезон.

— Куда ты, чорт!

И Ваня поворото остановился. Парень велел ему деть, а сам пошел дальше по маре.

Воронков был оставлен сам с собой. Делала, а теод—струтуть: каждый шорох встасала вздрагивать. Словачет полевая мышь—и он галдит во-вздохи, но принаил ни к земате это-инбузть! чувстви-ельно телом лезания—ослабывалась, не чалелась ли огадо него: ветерок это дышал, ему доласель мтечь... Вздохнула, почала встасель в пшенице.

Весной он работал на этой асаме паугатарем—песочка, как только прибыла в совхоз. А до сего вор не встасала на пшеницу, под мотурто бил с Кани-ковым расчесывала землю. Подлоло вытернула горсть злаков, шушла колосы, обрывал их, раста-рала на алонии, брала зерна на зуб. Солома сухая, крошкая, дальной в рамках рука...

— Братва-а!—донесся голос Януча.—Помо-ги-и!

Осветелась степь. Темнота много отхмурило, но для того, чтобы мощнее надвигать на мир.

Миг!—и опять зарево. Ваня вскопал, поаури-ска от улелка:

— Из-и!

Встасутая струя воздуха уснушла от.

— Лаб-то... какой... горит!—прокричел он. Сасала два прыжка вперед и опять встала.

Густая тьма горела. Не вперед мизла белаяный огонь, он тигуче растекался во все стороны, ин-минуюмо паг пшеницей. Сторож има, яркнман в груди бердавуку.

Образившаяся воласья ваняиса в огонь. Зерна зарывалась, тредилан.

— Чорт вас всех возьми! Гады вы адкае! Это закричала уже подхваченый шофер. Он кри-чал, не владел голосом!

— Чорт вас возьми!—бежал он от машины.—Точнйше! Забегайт вперед, забегайт!

Крик протривался постовником. Все ринулись в ружбину пшеницы, настречу огню.

Ваня подбежал к пламени и вместе с другими начал топтать его, бить его кешой.

Но так бороться с пожаром все равно, что палачи пытаться задержать поток.

Ваня увидел, как один из постовников выдернул солому и отбрасывала ее назад. Огонь оста-навливался, но потом, рванувшись, перепрыгивал через сделанную пшеницу, снова захватывая пше-ницу. И как-то неожиданно Ваня пришла мысль...

Он побежал к яру.

Рядом с пожаром Каников и Янук придавили человека. Человек был незнаком. Он выры-вался, но заломленные назад руки были надлежно сквачены.

Оба, тужась, держали черного мужика и чуть не плавали от невозможности помочь товарищам. При каждом рыжке алачаего они еще мещте эти сквадил колени в его изгучку саиу.

Подхватывая шрипа, выдвигая вперед на колесе диньва...

Сторож с берданкой метался то к огню, то к Янучу и причитал:

— Мамыкин... Что же это, батюшкин! И за что душу мою забудил!

— Уйди, погнорюна Янук.

Сторож продолжал, цепляясь за голову поджи-гателя:

— Не уйду. Задушу его своим яруном. За-стрелайт его мчаю.

Чалый, выдвигая пшеницу, присматривался к лезающим на землю. Он сразу узнал в поджигате-льного приятеля хуторянина Тигина. Он ка-зался блудным на предствлении в Тигину сторожа, но, двух ноше не добежал, испугался огромной стиг-ни Януча. Чалый похолодел и, сверчившись, спра-сил рыводившим голосом: кинув на Тигина.

— Откуда ты такой?

— Не знаешь? Забыл! С гада с моих стиги, поговори! Стиги! Антихристы, держите и его!

Чалый оторвался.

Янук с Каниковым одетивались, славнее на-дегали на поймающего.

— Боговаисней!—зарычала Тигина.—Спасай, гадина!

Боговоянский стасдал с ласка фурайку, стегуку от плами. Вымахула огневной язык.

Если бы сильный ветер, огонь блудился бы по-летной быстротой, славивая дорожке гектары. Но ветру сдал, и поэтому люди еще едва надевались перепрыгнуть пожар.

Теперь уже все выдергивали пшеницу и кидали ее назад. Работали, не чувствуя обдираемых лавчек, змисохил от жары внутренности. Огонь осваждал их.

— С паугом бы тут прохлать!

— И где его авять?

И не перя своим ушам, они услышали прибли-жающийся рев трактора. Это от дороги сдала Бе-ронков. Еще неприхватив к новичку трактор ме-тался на стороны в стороны. Но новичок криво вынхался в руль.

Настрочу бежал постовник:

— Эй, скорее! Заезжай, аэсвай-ай!—когда подбежала, вскопна на пауг, равную рычал, спустила ламечу,—аэсвай-ай!

— Адеи!

«Фордон» споротила влево.

Сухая крушная баугатура затрещала под колесами, потом пауг врезался в лес, раскнучил густую оледуку земли. Памя подползла к машине, но тракторист, отгавнувшись, отсрвала его от пшеницы.

Постовник бежал за трактором, уничтожая каждую соломинку, которая могла послужить местом для огня.

— Ваня тырда!

— Соволю сгорел! Яааа!

К утру пожар потушили. Около пяти га, омерт-вевши, смотрели мутным пелом. Чалый исчер.

Утром же в Ваня заболелась голова. Большой бредил. Тихо-тихо стояли, он повторял навчиче-ное: «Я...ко...жа...ко...».

Пламя подползало к трактору

БЕЗ РЕБЕНКА

На основании читателю

Желтую резиновую перчатку хирурга, ведро воды с опарившимся столом, высклаивая блеск инструментов ундаса Вера Феоктистова впервые в 1928 г. Среди этих вещей кончалась простая история ее отношений с пекарем из пекарни МСЮ Егором Волковым.

За час до этого сестра осматрела ее распущенные волосы (нет ли гниды), ей засунули подмычку градусник, ее завесили на весы. Босая нога Феоктистовой ступила на мокрую деревянную решотку, и вода жарко ударила в плечи. После душа она надела чистую рубашку и серый халат. Санитары провезли ее в операционную.

...Артель «Ромеолово», где работала Феоктистова, помещалась как раз напротив пекарни, где замешивал тесто Волков.

Продлила вечером мимо низких электрических окон пекарни, она видела только его бледные руки, принудительно мучой. Руки ходили, как рычаги машины, тесто должно быть пылало.

Феоктистова знала, как эти руки могут быть теплы и нежны.

...Санитары ушли, и Вера Феоктистова вдруг одрела. Как-то отороп была в детстве, когда мать подводила ее к зубопроточному креслу в волостной больнице.

Дошла очередь... Феоктистова натанула на ноги грубые боты сапожников чужаки и легла. Чтобы утратить тело, она свертывалась за спиной стойки для поддержания ног, но врач велел положить руки на грудь и успокоиться.

...С Волковым Феоктистова сошлась в проходной комнате, которую она снимала на Таганке у соседней вдовы за десять рублей в месяц. У двоих были дети — подростки — и устоявшиеся взгляды на жизнь. Частые ночевки Волкова расщепили хозяйку с квартиранткой. Встающая учить Феоктистовой медицине глосности запретила пользоваться туалетом; затронула крошотную комнату швейной машины, внезапно появилась в комнате за полочку, шалая турфами, принятая, вылезла Волкова на стеллажи.

Феоктистова, которая до ареста мичалась два года в нелегаль и отлучно изучала танцы таганских и замоскворецких обиходяниц, сказала мужу:

Выживает она меня, Егорка... Спроси у матери: может вступить?

Но мать Егора Волкова против отказалась вступить к себе старшего сына со снохой. У нее пар пристал мадеме синохой; жилай тесто.

Волков стал приходить все реже и реже.

Пришла в abortную комиссию

Иногда возвращался они у ворот пекарни, шли в кино на Стратную площадь, а потом мерали на смеялах бульвара до последних трамвайных звонков. Она болалась пустых ночных унц, но Егор не приходил.

В мае Волков получил путевку в Елплатовку. Феоктистова писала ему.

Почтальон ничего не приносил в сумке для нее. Она доталкала: нужно кончать эту музыку. Но тогда же в консултации выдала ей справку: беременность — шесть недель.

В комиссию по распределению кока в абортарию с Феоктистовой долго разговаривала пожилая секционера из райбюро. Лицо ее было в морщинах, но голос звонкий и твердый.

— Ты меня слушаешь, милая, — убежденно говорила она. — Ты рожай себе спокойно, ничегонешнее не бойся... А муж приежит. И, милая, всю историю психологию знаю.

Феоктистова настаивала на своем. Негае ей будет с ребенком нить. Прогонит ее козявка.

Комиссия разрешила Феоктистовой сделать аборт (искусственный выкидыш), ибо значе гражданка эта пошла бы к бабке, в абортное подполье, где часто пролобят и гусиное косяк в спирте коретку.

II «Операция прошла благополучно... Эту стандартную фразу издарила женщинам на заносочках. Нилыки оттолосав заносички дожидавшимся в коридоре болонцис мужьям, Феоктистовой обещало выкидыш. Она легла с пустым животом, потная, равнодушная.

Обычная фраза, которую обиходывалась соседки и утешалась мучон, не могла ее сбить.

Феоктистова не знала, что в Германии из каждой тысячи абортов сорочник пятьдесят обязательств кончатся смертью. Что остальным абортировавшим угрожает параграф 218-й германской конституции, наказующий женщину годами тюремной отсидки лишь за то, что она заводила швейную машину и пошла к абортмаху, рискуя жизнью. Что с этими самыми зашифованную денгу абортировавших дружит полиция. Что два года, когда 7 тыс немцевк работнички сидят в тюрьме на аборт.

И что есть страна, где аборт разрешен и взят под контроль науки и где смертью кончатся лишь одна из 25 тыс. операций.

Вера Феоктистова была гражданкой этой страны.

Когда она собралась вещи и направилась к выходу, врач пригрозил ей плащом:

— Раньше, чем через год, не жвэйай!

Врач был поессимист.

Феоктистова пришла не через год, не через два, а через пять.

Пятистка отдалаа первое посещение абортарию от второго.

На заре пятилетки Вера Михайловна Феоктистова 1908 года, беднячка, многограмотная, превратилась из няинки в работницу кооперативной артели.

К концу пятилетки Вера Михайловна Феоктистова, 1908 года, работница, грамотная, перешла на артель на фабрику «Красный Октябрь», вступила в ВКП(б), вышла в тай и желдокооперацию.

Теперь она была не расписанная, с каловодником Терентьевым в его шестисаженой сукоты комате.

Ее зарплаток составляла 115 р. мужа — 90.

Ее фабрика была споловотю и ясли.

Есам же в мае 1933 г. у Феоктистовой спросили, почему она решила на аборт, что бы она могла ответить?

Действительно: почему?

Вдвоем они сумали бы вырастить ребенка. У обоих была вятчица первой серии. Оба стоювались на завале аз небомыслию плату. Идти они в просторной теплой комнате. Почему же не родит Феоктистова? Почему не родить ей, гражданке страны,

где беременные входят с передних площадок трамвая.

где семисотосая день и ясли на каждом больном заводе,

где государственные кассы вылают матерям денги на кормление ребят,

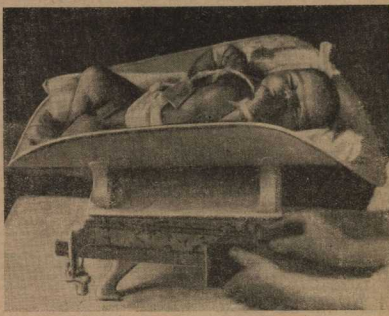
где лучшее целевое молоко козловоз развозится утрами по тысячам детских консултациям,

где руководит извечным миллионном политическая партия, записавшая в своей программе задачу борьбы за здоровье и развитие поколения.

Но Феоктистова решила на аборт.

III

«Хочу быть независимой», — признавалась она после операции соседкам в палате, — хочу пожить вольно, а то с ребенком суча не увидишь...»

Два часа назад он появился на свет

— Гаупа, гаупта ты баба, — закричала вдруг на Феоктистову крупнотелая женщина, тикало приподнялась с подушки, — тебе сколько лет? Двадцать пять? А мне двадцать не было, когда первого родила, а жила я в подвале и муж в Бутырках за прокламации сидел... Га-то, гражданка. Мне сорок уже, я пятерых выносила. Да разве и пошла б сюда, кабы не хворю? Разве ты понимаешь, что значит сын?

Феоктистова смотрела в ясные серые глаза говолившей и не находила ответа.

И тогда палата усамилась исклывавшим.

Все посмотрели на кроватку комсомолки Черновой Чернова лежала, отпернувшись к стене, плачущие чуть видрагивали.

IV

Законим буржуазного общества против аборта имеют столетнюю данность. Делать нужна была работа человечества для пушечного ясли и поношения той резервной армии безработных, которая следует за капитализмом черной неотсутуемой тени. Но тут играли роль и соображения идеологического порядка. Нельзя было допустить вмешательства руки хирурга в «божественное» дело. Это колебало «сучоту».

18 ноября 1920 г. в Москве на совместном заседании Народного комисариата здравоохранения и Народного комисариата юстиции были приняты формулировки единственного в истории закона о легализации аборта: «Законность всех ступеней борьбы с яким замом путем наказания как для женщин, решившихся на выкидыш, так и для врача, его произведшего. Не приводя к положительным результатам, этот метод борьбы являл эту операцию»

Матери в поле, и дети в детском саду (колодез «Червоный прогресс», ЦЧО)

в подполье и сделала женщину жертвой зорких и часто невежественных абортистов, которые из тайны скрывают себе промиссы. В результате до 30 проц. женщин заболевают от заражения и до 4 проц. из них умирают. Рабоче-крестьянское правительство учитывает все это и стремится к ликвидации. Путем укрепления социалистического строя и агитации против аборта среди масс трудящегося женского населения оно борется с этим злом и, широко осуществляя принципы охраны материнства и младенчества, предвидит постепенное исчезновение этого зла. Но пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию. Наркомздрав и Наркомздрав охраняет здоровье женщины и интересы мам от невежественных и корыстных хирургов и считает метод прерывания в этой области безусловно не достигшим цели, постановляет допустить советское правительство операции по искусственному прерыванию беременности в определенных случаях больницы, где обеспечивается ей максимальная безвредность...

Это началось в 1926 г., а в 1930 г. на заседании XVI Съезда партии в Большом зале Сталин съездил: «Смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36 проц. по общей и на 42,5 проц. по детской линии, а ежегодный прирост населения составляет у нас более 3 мил. душ».

Декабрь 1920 г. говорил о моральных пережитках прошлого. Но в нашей стране само слово «незаворожденный» исчезло из языка. Декабрь упоминал о тяжелых экономических условиях 1920 г. с его буржуазными в замирающих кварталах и четвертушками байкового лаба.

Но сегодня работница живет в электрифицированных и радиофицированных кварталах новых домов — бесчисленных Усаичев. Тестовых посаков и др.

Она получает добровольственную и депозитную плату и отнимает фабрично-заводские, расставляющих заграничными котлами и собственными лабораториями. Для ее сына откусывается горячий обед в школе. В нашей стране впервые в истории человечества женщина-мать окружена огромным вниманием государства.

«Слово «пролетариат», происходящее от латинского «пролет», что означает дети, потусторонне, родилось, как обозначение неполадной бедности: «Ничего кроме детей не имеют».

Социализм изменяет звучание этого слова, возвращает его рабочей римско-латинский смысл, ибо у нас пролетариат имеет все. Ему и его символом и детермин принадлежит будущее.

V

Комсомолка Чернова решила на операцию но из какой причине. В тифграфии вместе с ней сидела тетрадь девушка Капа.

Капу передала в комсомол пионерский отряд. Это была последняя весна девушки, колоса, организм, она обучала кубанку Парву Катюшу и отъезжа мусовым танцам.

И как-то сразу Капа приняла. Жужжал стало ее чужо. На собраниях критика она молчала. Ребята

замечали, что у нее растет живот. Попытались «остроты»:

— Мама, теперь не допринимает.
— Капа родила уже и совсем перестала появляться в ячьеи. Вызывали ее на бюро. Капа заявила, что не может оставаться ни на собраниях, ни на ячьеи.

— Почему? — настойчиво спрашивала ребята. То она вспоминала о комсомольцах, то ругала мужа, то жаловалась на бессонные ночи.
На первый раз ей поставили на вид. А потом перестали замечать, что ее нет в ячьеи.

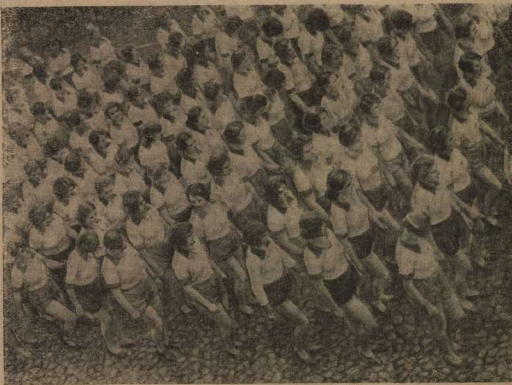
Чернова тогда зарекалась иметь ребенка, хотя очень любила маму и сама вылезала руководить группой актэбри при типографии.

VI

Материнство должно стать у нас бытовой доблестью.

В той же самой Германии, где из каждой пяти женщин четыре совершают аборт и лишь одна рождает, реформистский закон посылает рожающие сентиментально открытку с ангелочками и поздравлениями. А у нас считается иногда молодецеством «покушаться» над будущей матерью.

Еще несколько лет назад в наших клубах трогательно заседали на сцене женщины с беаым

Они не боятся стать матерями

свертвом в руках и ее муз, правдиво причисленный и приодетый... Председатель потрасса звонком и объявила собрание по вопросу о новорожденном гражданине советской страны открытым.

Белый сюртук шилла.
На сцену несли подарки: полотно, платяная, соску.

Мать сияла.
Шав красивые крестины.
Почему же теперь забьаи о них?

Почему без всяких из то оснований рассуждений абортисты похисили, которые должны быть бордами за материнство и новорожденными санитарной пропаганды?

Почему никто не разъяснила Фокотистовой и Черновой, что частые аборты ведут к малорозовию и бесплодию?

Почему чужья комсомолка не отговорила Чернову сделать операцию? Не посоветовала ей стать матерью?

Московский санитарно-гигиенический институт и Эрисманна разработали статистические карты абортов, произведенных в Москве в промежутке с 1923 по 1931 г. Данные этой разработки чрезвычайно интересны. Холодное бесстрашие шир мшиной раз разоблачает буржуазную слепоту о развращенности советского населения. Начальный взрост полковой жены в СССР выше, чем в империалистической России. В Москве среди учениц школ ЦЗУ около 90 проц. девственниц. На каждую тысячу женщин в возрасте 17 — 18 лет приходится всего три аборта. Мы обязаны сделать эту цифру еще меньшею.

VII

На пионерском параде физкультурников Москва девушка шла в первых рядах колонн. В этом году их было несмысленно много: русые, смуглые, курчавые; в их волосах были красивые гробешки, земляные, черные; некоторым еще не свалил колос; шам радом коротышки и длинноногие, черноволосые и блондинистые... Но у всех — один певучий шаг и радостная заботливость ювки.

Давать акт наваз Ленин увидела эти шагунские колонны словом, тогдашнее время.

Она писала в «Правде» в статье об абортах, что советательной рабочей, замороженного паризмом, будущей жизни, «покунуть» немываемого гиза и страдания — все же не отказываться от детей.

Ибо: «наши дети...» побоятся.
И вот ныне это невзрачно шаг эти дети, шло молодое поколение рабочего класса.

Это шло поколение, которое одновременно вступило на детства — в юность и в восстановительную эпоху — в социализм. Это шло также будущее поколение, которое выродится от этих здоровых, гибких девушек, не боящихся родов и материнства.

ОТ РЕДАКЦИИ. Просим читателей присылать в редакцию свои стихи на сюжет М. Гольдберга.

— Приятно сна, — улыбаясь, сказала он. — Это странно. А где эти статьи на вечер.

— Володарский усталое лицою плавающим, взяла с полочки книгу черновой работы, и срезав перочинным ножом красные черновики, принялась ковырять ей, как лопкой, стылую спрессованную сляк.

Видевший победил в тиглях. Но вдруг остановился, вынул из кармана бумажку и, качая удивительно головой, передал ее Володарскому.

— Ночью присели, забыла, чорт возьми!

Володарский развернул записку и прочел следующие строки:

«Тов. Володарский, сегодня в полутьме анархисты устраивают общезаводской митинг. Принимаю во внимание неустойчивое настроение публики и ввиду рабочего беспорядка в типографии, вы из того бы то ни стало должны приехать. Одного поминания вашей фигуры на трибуне Путиловского завода достаточно, чтобы разбить анархистов...»

За не унимался. Воволоновские голоса. Развращенное недоверие. Благоприятное недогадывание.

В публике — все цвет петербургской адвокатуры, высокие головы-то чиновники судобит палят, хитростями, журнальщи. За столом защитит известные Грусбергер, Гимпельсон...

Шум, шушукание.

— Говорит, какой-то подмастерье...

— Да, да! Портной...

— Это называет правосудие!

— Допустим, Керенский, Чернов, Гоц, Церетели — это же стопа! Цивилизация! А здесь нас сажают в тюрьму только за портной...

Никто не выступила публа.

— Слово для обвинения по делу привлеченных и суду семи вечерних газет за систематическое распространение контрреволюционной лжи и клеветы получает обвинитель — комиссар печати и агитации Петросовста Г. Володарский.

Обвинитель бледной рукой поправил обильную на лоб прядь волос, отодвинул графин и портьел на край круглого стола, громко и отчетливо сказал:

— Граждане члены революционного трибунала! В публике потех сдержанной ропот: «Младчинка...», «Защита от него морокро место оставит...»

Голос обвинителя ясен и ставновился сурово.

— Мы судим сегодня не только гражданина Кугеля, но только того иже иного редактора. Мы судим чрезвычайно смышленую державу-прессу.

Мы начали наши обвинения с определенного политического момента, на который ссылался все время мои обвинениями... — момента заключения Брестского мира. Я не буду, граждане, говорить о том, насколько тяжела Брестский мир. Между нами нет на этот счет разногласия. Не кто иной, как наш вождь Г. Ленин, который был ярым сторонником приятия этого мира, окрестил его именем «архитрагического».

Я повторяю, разногласия на этот счет у нас нет. И вот уже задолго до того, как ирландский японский десант из двух рот и нескольких пулеметов высадился на нашу территорию, в буржуазной печати усмеленно муссировался слух о высадке нескольких десятков. Этот слух пущался с определенной политической целью: смотрите, вы сегодня подданный мир, а вот вам японское известие...

Я знаю, куда выступит защита, будет со мной в голосе, с большим надрезом вопиять о свободе печати. Будут говорить, как недавно писал Америкен:

«Печать под судом, разве это мыслимо в республиканской стране?»

Защитите все, что угодно, но свободы печати нет. Ее нет ни в Англии, ни во Франции, ни в Социнистских штатах. Я бы мог назвать имена закрытых газет и редакторов, моих бывших товарищей, которые сидели в тюрьмах в этих странах. Вспомните лига буржуазной прессы, обильнейшей Ленина провокатором, бежавшим из Германии. Вспомните закрытие «Правды», закрытие Керенским рабочий газет.

Теплая рука закона должна опуститься на тех, кто, побужив законными оружием, распространял лживые слухи, сеет панику и смуту.

Внесенная рука обвинителя опустилась на край стола.

Незамеченный никем, Семенов проился в самый конец желвакообразного дела. «А что если он не поедет отсюда на Паровозостроительный?» — вволюванно думал Семенов. — Сергей проедет, отыгнет. Да и хитрит ли у него духа... Малосильный, незаряженный — против такой поразительной силы». Большие брови реваши. Из уст становился страшным. Семенов с легкой невинностью наблюдал за человеком, в руках которого поблестела ступня его судьбы. Сегодня! А вчера? Вчера на Путиловском, где выступил Володарский, речь эсера Гельбова приврвала на середине. Вечером того же дня на матросском митинге, где опять выступил Володарский, эсерам-оборонцам не дали говорить совсем.

— Мы не скрываем, товарищи, что положение наше тяжело, было бы неслучайно скрывать это, мы знаем, что осмунка хлеба не накормит, — говорил Володарский. — Но всякий сознательный человек понимает, что не мы, не большевики, аншам нас все.

— Как утешают в том, что мы ждем гражданскую войну. А разве не Корнилов и Каледин, поджогиваем буржуазией, пошли походом против Советов? Разве не правые эсеры начали войну в Сибирь?

— И теперь, товарищи, когда вы соберетесь решить судьбу революции, подать свой голос за ту или иную партию, и говорю вам: если хотите нунта, голосуйте за урядительное собрание.

— Разве вы хотите нунта?! — кринула Володарский.

И снова спокойно, с улыбой продолжал речь, поблестав красноречивым. И с каждым его словом, как будто зоркоисленным жестом выправленного дымала тысячная масса.

— Если вам надоело ходить без ярма и снова хочется найти кому-то господ Путиловского голосуйте за урядительное собрание.

— Если соскучились ваша шея по тумачкам и токущите ваши шеи по ударам, голосуйте за урядительное собрание. Но если вы этого не хотите, если хотите вы свободы и счастья трудящимся, голосуйте за сторонников советской власти.

Аплодисменты рванулись и зашумели, как криша, сдернутая выкром.

20 июня 1918 г. «Красная газета» не вышла. 21 июня на первой полосе «Красной газеты» горели два аналгаза:

ПАМЯТИ ТОВ. ВОЛОДАРСКОГО.

Номер «Красной газеты», посвященный смерти Володарского

Ниже —

ПЕРЕВЕРЬЮ ПРОДОЛЖАЮ!

За три дня в советы выбрано 119 большевиков. 9 левых эсеров и 1 оборонец.

«Сергей задал мне вопрос, как быть, если представляется удобный случай... я ответил: — Надо действовать».

Полудинный Семенов, ирланде теробит аншам выдвинул, с протокольной точностью рисовал трагическую картину убийства, произошедшего четыре года назад на Фарфоровой, близ часовни.

— «В этот день я присутствовал на митинге, где выступил Володарский. Автомобиль Володарского остановился на подходе к назначенному месту. Там сидел Сергей. Шофер начал исправлять машину. Володарский вышел и направился в сторону Сергееву. Кругом наступило редкое затишье. Сергеев выстрелил несколько раз по расстоянию двух-трех шагов, убит Володарского, бросился бежать... Бежавшился публашка погналась за ним, Сергеев бросил английскую бомбу, Расторжников. Перелез через забор, повернул и исчез, перебрал реку и скрылся. Через два дня я отправил его в Москву... Подсудимый Семенов тяжело отпустился на стул».

Володарский (слева за столом) выступает обвинителем на суде над буржуазной прессой

ПАРТИЯ ОЧИЩАЕТ СЕБЯ, ЧТОБЫ СТАТЬ ЕЩЕ БОЛЕЕ БОЕСПОСОБНОЙ

А. СОЛЬЦ

ЧИСТКА ПАРТИИ

Партия большевиков — единственная, которая требует активности от своих членов и ежедневно контролирует свою ряды — в какой степени дела членов партии соответствуют требованиям, которые предъявляет партия, в какой степени она их соответствует требованиям и уставу партии. Этим занимаются контрольные комиссии; они требуют отчета от членов партии за их поведение, за их работу и накладывают на них, другие выписки, а передка и исключают. Исключают, если поведение или поступки свидетельствуют, что по существу это не члены партии, а или случайные люди, получившие свои билеты по недобросовестности нашей бдительности, или люди, потерявшие свою коммунистическую суровость даже в течение пребывания в партии. Это — повседневная работа партии. Однако партия этим не ограничивается. В переломные моменты, когда перед партией как руководителем рабочего класса, организатором его сил выдвигаются новые задачи, возникает необходимость в общей чистке для проверки, с одной стороны, в какой степени она готова к разрешению стоящих перед ней задач, а с другой — чтобы в связи с чистой поднять членов партии и этих его партию на большую высоту, сделать ее лучше, советательней, чтобы она действительно была в силах выполнить то, что повелевает наше движение вперед.

Так было во все предыдущие чистки, так это происходит и сейчас. В 1921 г. мы должны были после всех перипетий революции и гражданской войны, на которых мы вышли победителями, строить советскую власть. В 1924 г. мы ставили себе задачей проверить свои служебные кадры: кто из них обнаруживает явные тенденции, кто в какой мере находится в начале первой пятитки, когда перед партией стояли громадные задачи в связи с коллективизацией на социалистических рельсах советского хозяйства.

Сейчас мы стоим в начале второй пятитки. Вопрос о том, «кто кого», решен, и решен в нашу пользу: вопрос сейчас стоит о том, чтобы партия в лице своих членов была хороша, советательна, волевым, упорным и настойчивым, настоящим руководителем социалистической стройки в нашей стране.

Велики стоящие перед нами задачи, и мы должны сделать перекройку наших рядов. Во время пятилетних этапов на каждом из них были колебавшиеся и отступающие, были малообразующие элементы, доходящие до контрреволюционных вылазок против партии и ее установлений.

В эпоху нашей стройки нам особенно необходимо сплоченность, дисциплина, вера в свое дело и непоколебимое единство. И чистка должна максимально освободить нас от всяческих предвещателей этих элементов. Кто не с нами, тот неизбежно прощается, воспринимая жизнь. Это для молодежи легче. Она провела свою юность живо, те годы, в которые формируются человек, в советских условиях, когда во всяком случае не было никаких общественных инстинктов, требующих с первых дней советской жизни. Тем более для нас обязательны те требования, которые вытекают в настоящее время нашей партии.

Мы устранили старую, ненадежную как человек, хозяйку, мы должны видеть это хозяйское место и по-хозяйски работать, соединяя свой личный интерес с интересом коллектива, работая на коллективный общий счет, как не в своем, а в чужом хозяйстве, с большой ответственностью и преданностью. Кто в такие работники не годится, тот не может быть в партии, стоящей во главе социалистической стройки.

Молодежь должна интересоваться еще одним вопросом. Как ближе мы к цели, чем успеваем идти наша социалистическая стройка, тем больше мы должны быть готовы дать отпор той или другой буржуазной стране или блоку буржуазных стран, которой мы хотим противиться, и тем больше мы должны быть готовы дать отпор нашей стране. Мы должны быть готовы, и в первую очередь наша молодежь, и на первой линии наша коммунистическая молодежь.

Будьте готовы, наши дорогие товарищи! Мы и все проверим, когда придет нужный час!

„Наша партия очищает себя для того, чтобы стать еще более боеспособной, чтобы отточить себя, чтобы партийный полет лучше выполняла, чтобы нам анализировать лучше работу, чтобы наше хозяйство лучше развивалось, чтобы кадрами лучше кадровали, чтобы работать быстрее и эффективнее, чтобы работать массам и крестьянству лучше являлось. Вот для чего мы проводим чистку!“

Из речи т. Кагановича на московском городском партмае 22 мая 1933 г.

Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ЕМУ ДОВЕРИЛИ РАБОТУ

Алексей Павлович Чумов

На трибуну первым должен взойти партнер, которому завод Ильича доверит чистку большевиков, сидящих здесь в зале, большевиков, работающих на конвейере и в кабинетах трестов, большевиков Ленинского района.

— Присутствует ли чистка товарища Чумова, — говорит член областной комиссии по чистке т. Соляц. Старый большевик, Алексей Павлович Чумов, спокойно прохаживает к трибуне. Он опять одет и чисто вымыт.

Алексей Павлович снимает крупные роговые очки и кладет тяжелые руки на красный борт трибуны. Пятидесятилетняя ограда дожала до положения в Германии. Сейчас он делает доклад о себе. Доверие и внимание сигнализирует тесный зал с преданностью.

Алексей Павлович говорит, не повышая голоса. «Если бы ни все дрянное, что было бы лучшей учебкой для молодежи...» 1899 год. Агусто. Знаменитый Кузнецовский поступил завод. Распутин. Еще не пять часов утра. Старые корпуса завода окружены тьмой. У ворот вестник качает одиозный туркинский фонарь. Свет то угасает, то опять вспыхивает.

Четырнадцатилетний уланочник кузнецовской посуды Чумов перепрыгивает лужи, болот опадает. Ополовение — это злорад, выцвет. Дед и отец Чумова, кучицы, учили его молчать и угождать козну. Из мехов и уголка. Работал с 5 утра до 8 вечера. Перерыва хватало только на то, чтобы обогать за нимитом для мастера. К концу года не вытерпел и ушел.

1900 год. Москва. Завод Гварема. теперь «Красная Пресня». Работал товарищем. Низко всегда. «Гравени» остались в сознании Чумова навсегда. Здесь окончательно определилась цель жизни. Много рабочих пошло по тропинке приваства. Чиста замусоривалась в четырех клоповных стенах

личного благоустройства. Остальные работали и молчали. Ближайше 1905 г. Наземали жидарями, вылавив на допрос. В цехах на каждого десятого С 1904 г. Чумов становится большевиком. Организация союза рабочих по обработке металлов — его первое крупное партийное дело. Из лучших рабочих этого союза он организует боевую дружину. Она участвует в левоборьском восстании на Пресне. Он член правления Союза металлистов и начальник боевой дружины.

Реакция Хозяин выгоняет Чумова с завода. Работы нет. Ни «Бромяди», ни «Лист», ни другие крупные заводы не берут Чумова. Имя лучшего большевика знают все хозяева московских заводов Польши поручено поимать его.

Долгие скитания, голод, работа на сабах. Чумов ходит на лекции и засиживается в читальнях. Только в 1909 г. ему удалось поступить на постоющую работу на красную фабрику Столярова помощником механика котельной. Через три года Столяров уезжает при революционном провале Чумова и дает ему чистку.

На завод поступить еще рано не удается. Тогда он назначает своего аристократную работу среди мелких конторских служащих на фабрике Сергеевца. Однозначно он партийный организатор Хмельнического района.

В октябре 1917 г. он член совета солдатских депутатов. Го с винтовкой, то с телефонной трубкой в руках Чумов защищает транспорт. Парламентский представитель контрольной комиссии и членств. Ему поручены коммисары дорог и местные парторганизации. Руководитель по искусству и уверенно.

1917 год. Партия мобилизует Чумова в Сибирь, в Томск и Омск для организации полнотелеев на транспорте.

1922 год. Товарищ Чумов наливает текстильную промышленность. Здесь он работает с теми же изобретениями, как и на транспорте. Он директор Павлово-Покровской текстильной фабрики. Полупрозрачная фабрика начинает работать с полной нагрузкой.

Большевик Чумов работает в районе, организует расписание вагонов, грузит их авиатором и выводит дерево на вагонку продуктов Павлово-Покровский кооператив получает первую премию на всесоюзном конкурсе лучших кооперативов.

Он меняет объект работы тогда, когда этот объект партии. Он выполняет порученную работу так, как хочет партия. В 1923 г. он председатель МСНХ; в 1924 г. — председатель Восторжеского Целевого треста. При старом председателе треста был убегочником, при Чумове трест стал прибыльным.

В 1925 г. он уже заместитель правления Шелестовской и директор фабрики «Красная Роза».

С 1928 г. Чумов опять работает в контрольной комиссии.

— Что тебе помогает в повседневной работе? — спрашивает т. Соляц.

Мне помогает анализ психологии рабочего. Я составил тему, что много жизни извлекаю от завода до треста. Мне удалось правильно понять и рабочего и директора фабрики. У меня есть технический и административный навыки. Кроме того, я владею английской и немецким на фабриках, изобретательскую связь с производственными и в товариществе всегда производственными — Мирскому, Ленинскому, Сталинскому.

На вопрос правды ли, достают ли Чумова позитивные отзывы, слышит Чумов и руководителем чисткой в Ленинском районе, большевиком заводом И. Ильича для односторонней отбавки да!

ДВУРУШНИК

За несколько минут до второго звонка в главный зал казавского завода шла тщательно одетый еще молодой человек. Он быстро и удобно расслабочился на ярком диване и поглядывал вокруг. В душе гледал про него какой-то жещина.

Его звали Ильин. Его — Тереева. Они друг другу своих фамилий не называли, но как-то так почувствовав, что она узнала, что поучаек — член партии.

Тереева достала из портфеля несколько книгоч. — Не читали еще докладка Казанского? Почти-точно, отлично рассказка, как надо работать.

Ильин помочалка немного, усмехнулся!!! Терееву удивляла эта странная усмешка. Тереева насторожился.

— И вообще, — сказала внезапно Ильин, — не мешает отложить от этих прелестей. Осторожно!!! Искролюно надо оставлять для собраний.

— Вы трюисты? — спросила Тереева.

— Эге, однако, — попустила Ильин, — с вами откровенничать опасно...

Некоторые время разговор не возобновился, но вскоре Ильин опять потонуло на рассуждения. Тереева слушала сначала спокойно, потом с огромным возмущением.

Когда тихим голосом, с растерянной и с усмешкой Ильин сказал какому-то политическую тусовку, Тереева попробовала прервать полную трюистскую лозь.

На Кисловодском вокале они разошлись в разные стороны. Ильин уехал на извозчике, а Тереева осталась у вокзала. Как теперь быть? Как узнать его адрес?

Тогда Тереева написала в Москву...

И вот по возвращении с курорта загорелый, веселый, откровенный от извозчик человек получает от ЦКК ВКП(б) вежливое письмо:

«Тов. Ильин. Прощу вас с получением настоящей отрядки зайти к ЦКК к партделу в г. Миниуров...»

Стая извозчикой и восстановлений начались у Ильина с 1925 г. Тогда Замоскворецкая РКК записала:

«Ильина С. М. за халатные отношение к обязанностям и за вымучу яручных сумм без санкции правления исключили из рядов партии на 1 год».

Это дело, если верить словам Ильина, было первым его партияном. Он говорил тогда о своей не-

обязанности, доказывала, что взаимомощи Герной академии, и в огромном завлечении протифирова: «Храните в чистоте высокие звание члена РКП».

Ильин мобовала тогда все свои силы, представила всекие справки о загруженности, о прошлой работе, смотра открытым взглядом в глаза सदоевства, жалась грядущим своим делами.

Исключенье заменила Ильину строгим выговором. Человеку надо было дать возможность исправить ошибку.

Второе дело Ильина возникло после трюнивых его выступлений под сивист, сту и крики рабочих. Он бега по торюидным собраниям трюкистов и выступала с мепивнистской декларацией.

Его исключили из партии. От весния 1928 г. до осени 1929 г. Ильин обдумывала свое положение. Он молча воссинадять эти фещу увидела в контрольной комиссии.

— Пришла свое сибитбо, — сказала Ильин тихим голосом, — теперь делствительно поняла... Надо каемить позором трюкистов — изменить делу проднатрия! Прощу восстановить меня в партии. Я осознала...

И опять, как в прошлый раз, поверил обещаниям Ильина, дувезиному его говору, честно прямому взгляду, справе о добросовестной работе. Его воссинадья в партии. Отменила только в партиясте перерыв. Дала возможность работать по специальности.

Ильина назначала начальником разведки лазурита. Сначала он крепко завязал за дело, но вскоре холодок стал останавливать его движения. Работалось что-то скучновато. Кольская партия, в которой он был начальником, была выведена на разведку. Внезапно секретарь ячейки Слюдянского горбиро попустила заниску:

«Прощу считать меня выбывшим из вашей ячейки, работать в вашем аппарате не могу и не хочу и устрелюся на работу в Карагартинск Ильин».

За безгство с работы Ильин получил от райкома строгий выговор и вымучу дезертира.

"СВОИ" ПАРЕНЬ

В контору хлебозавода входит человек. Он достает из внутреннего кармана пуховку и партияную книжку.

Тот, кто встретил новичка, говорит обрадованно: — У нас на двух участках нехватка коммунистов. Если доведет, что тебе прислала. На приемку хлеба надо иметь каждого...

— Ум, вы понятно, — отвечает новичок, — понаблюдать придется, дело ответственно!

Новый работник производил впечатление «своего» парня. Его быстро посвящают в тайны приемки и извозку хлеба...

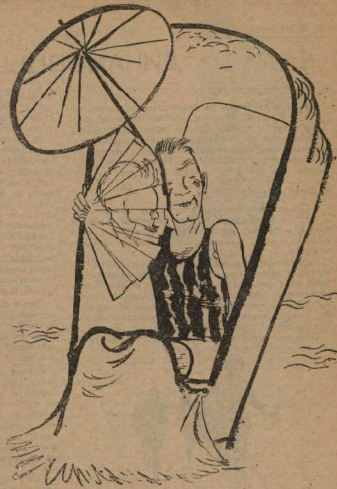
В полутьме рассвета у боковых ворот хлебозавода возникает люди с несильным говором и верными движениями. Грузовая машина ронцет за углом.

— Бисфей, а ты зяемислеса, — говорит один, садясь рядом с шофером. Под сырм брезентом громадится украденные сотни батонев. Синий партаурнейный свет становится голубым. Человек, кто ботика «заскандился», поворачивает авто...

Это он — вновь принятый на завод Алексей Дороевич Поляков. Завоевав доверие рабочей партияной книжкой, он увозит на свою квартиру тысящи извозимого хлеба.

Этот кулацкий сын, осужденный в свое время за хулиганство, попал в партию, когда на заводских митингах выносил постановления о вступлении в ВКП(б) членами цеховых. Алексей Поляков получил тогда от бесчисных руководителей ячейки книжку коммуниста.

Только после бедем, случившейся на 3-м хлебозаводе, попал Ильин, обнаруживше Полякова, несколько опасен враг, овладевший партияном билетом.

... Си отдыхает от идеологии...

На он все же считался сорванным специалистом. Членом партии вышло технической авиационник на предприятия «Керасгранит» было известно. Ильин глупо говорил о том, что сплуниса, что с вымучу случаются неприятности, и его решил сохранить для организации. Выговор отласте внутреннем ячейковом делом.

Вскоре все увидели, что вступил с Ильиным мудо. Он неизменно сидел за большим столом, обложенный со всех сторон цифровыми таблицами и чертежами, он принимал доклады. Он выстула на собраниях и совещаниях. Он громка правда украинистов, чешех загибчиков и контрольно-финансовых трюкистов.

Так он проработал до летнего отпуска. Его терпеливо дожидалась ударная путевка в кисловодский санаторий.

К очинилась будничные дела. Она звывала просрещарам мимо Ильина. Облокотись о вымучу синеньку дивана, синит он в летном купе, разговоры Ильиных и Тереевой происходят разговор, авиомыслы же читалося.

После возвращения с курорта озота откровенничать внезапно поводит Ильин.

— Говорим ли вы, что одна партия у вас для собраний, а другая для себя? — спрашивает партиялист.

— Видно ли, и это сказала шутя, желая проверит Терееву.

Ильин пишет на четырех страницах завлечали: «Что большевистно не всегда побеждает, и раскуждала отчаянно, а не о внутриянничном положении. И может быть трюкистские замечания получились из-за неясности моих выражений».

На этот раз не помогли Ильину убедительность тона, откровенный взгляд, клятвы и преданности генеральной линии. Не помогла даже обещания по-большевистски исправить допущенные ошибки. Для верности контрольная комиссия решила прервать работу дирекция цеховских работ в Карагартинта.

Специальный акт установили: единственно нет, контроль нет, расставлена ста негодная. Директор разработок рабочие вывозит на извозку. Собственность работ по много раз прерывает илунити.

На этом закончилась политическая карьера двурюшника Ильина.

Оказался жуликом с партияном

В. КОЖЕВНИКОВ

ДИНАМОВЦЫ

1. Динамовцы маршируют

Когда смотреть на физкультурный парад на Красной площади, чувство огромной гордости наполняет тебя. Веселые пляши динамовцев физкультурников здесь сошлись бы короче и разорывались в геометрические фигуры. Динамовские колонны четки и монолитны. Подчиненные ритму марша, они двигаются красиво и мощно.

2. Динамовцы на равнине

Высокая гора. Все замочено в суну. Истерзанная в краях вода бунтует штормом. Дыловая сугорога бросает ее на берег. Каспийское море одичало, вода изливается в огненным воздухе туманом.

Расплавившаяся, одесневшая солнечная жидка испепеляет песок в пыль. Выдымаюсь под ногами желтыми обалами, она дунит, пригоняет веселу. Кожа, пропитавшись песком, становится шершавой и знойной. Здым, в пустыне, все одичало: песок, пески, халмы, камыш, залпешные гравитные коры аморфо озер.

Они движутся вперед медленно. Солнце зесь

Финиш

ослепительно, как жидкий металл. Потому у всех, как у сталевагов, синие очии, иначе солнечное пламя разворует смоляную густую зрачку до крошечной серой точки, и человек ослепнет.

Идут молча, уставая, по дугу суга, вскарабкав, словно все окочито навздушной бумажой. В пустыне исподожидно. Изабрда, шурша выскохшим доспеками, промывает шеюврата.

Горькая вода темнеет, может только будет прохладнее. Появляется лужа, но она знойная, как солнце. Песок, навздушенный за день, истерзимо жжет.

Сделана привала у артезианского колодезя. Хотели отдохнуть и прохлать горючку, до сугорокной домоты в поповоушное, знаку, хоть чужую посылку. Комариная эскадрилка налетела на людей. Проконные солданы, с облебой кожей лица пухли и

Плавный прыжок

ниман от укусов. Одеян сетка, курил—не помогаю. Гудиче комариные сосиски могут довести людей до истерзения.

Предложение исходило от Понукалова, лучшего сылбера эскелдини. Это было конкретно и четко. Попробуем установить шит с мивидево, лег жиством на дымацкый жаром песок и, истерзимо придеваясь, стаг оглашать степь залорными выстрелами. Моментауно к нему присоединились остальные члены экспедиции. Комариные стада—их уже не замечал. Бодорство и уверенность залорных выстрелов, Понукаловым установленным нормам, спортивтепные повозатаи лучшего сылбера.

Потом олят зной, сухой отчаянный летский зной. Вода почти нет. Ее выловлю, как аквавито,—строго и точно. Вода теплая. В песке под камнями копошится фаланги, серые, отвратительные.

Доктор Антон Игнатъевич на привалах тизю и пронкивоном рассказывает о чудесах медицины. Иногда он застенчиво читает что-нибудь наизусть из Некрасова. К плавяющей в смертельном жару пустыне он относится, как к сыжно-тифозному болоту, трепеща и испугу, непоколебимо уверенный в скором выздоровлении.

Снова мучительное солнце, обожженные пылью рассматривают огненную пыль песка.

Зачем в пустыню поплам физкультурники-динамовцы? Разве не лучше было бы развить мускулы в спокойной обстановке стадиона? Вель их же никто не увидит в этой стране.

Каспийскую воду можно свозинать со стекляно-синей радостной водой Черного моря, Каспийской водой молочно-наивной борады двух мильновов газом, терпеливая и нежная, непоколебимо уверенный в скором выздоровлении. Для этого нужен канал. Канал, соединяющий Черное и Каспийское моря. Канал должен проходить по руслам знаменитого и восточного Мангыча.

Мангычская котловина, особенно ее восточная часть, была изучена довольно недостаточно. Требуется дополнительные исследования. Чтобы осуществить планирование сложнейшего строительства, сведения о Мангыче необходимо было получить в самый короткий срок.

Для выполнения этого задания от людей требовалась физическая выносливость, дисциплинированность и высокое сознание ответственности.

Кравовой окол северозависающего «Динамо» предлокази крабейскогово свои услуги. Динамовская экспедиция была снаряжена и отправлена в кратчайший срок.

На карте все робко и неяснито. Вот застенчивые тропы джунглей. Ну, а дальше что? Где находится река Гадузе, где озеро Кеке-Усуи, куда идет восточный Мангыч, куда стекает вода Камауа?

Плутинская карта, испещренная жалким рекам, уселиями коринжинов, как розные пятна, обозначенными гор, свозинуюжно неама.

Мангычское дно густо заросло великой щетиной замелью. Кислая рязная пена покрывает застойную воду.

Лодку приходится тащить по болоту волоком, подражая жесту камышиные дери. Тяга мизга, подплатыва и вяло реализуется, обессмысливая человека. Появлен переправиться в бурлака начальник экспедиции П. Эзерский. Так лодки вышком по ночной грязи десять километров. И это была конечная точка.

12 мая в 19 часов экспедиционный отряд прибыл в Дипное, на три дня раньше срока. Все участники экспедиции прибыли все только здоровыми, но и значительно окрепшими. Вопрос о значении

Шеренга загорелых динамовцев

Первая 1925—1929 гг. отмечается бурным количественным развитием в жизни общества «Динамо» имеются почти во всех городах СССР.

Решение ЦК ВКП(б) в конце 1929 г. о перестройке физкультурной в жизни общества «Динамо» колоссально рост, так как позволило выйти ряд молодежи.

Интенсивный рост развития динамовцев во всех сферах жизни общества календарной борьбе с пережитками буржуазного спорта, подготовка общего дора на внутреннюю жизнь коллектива и в перспективе тута свозинаний обрания оеинизации физкультуры, разрывание технических сил спорта влота до алкени, постинка массовой учебы и физкультурной работы на основе комплекса ГТО I степени, детская и юношеская работа, керно-обсвоинения профсоюзно-физкультурной работы, перестройка работы профсоюзного и союзного-коллективных лиц динамовского ольга производственного и союзного-коллективных через шестую и, наконец, активнейшие участие динамовцев в хозяйственной жизни Союза—во основные вехи, по которым шла перестройка работы в организации «Динамо», вехи, которые привели эти организации к известным побдам.

«Динамо» превратилось в мощную всесоюзную физкультурную организацию, располагавшую большим опытом работы, сложной ветеринарной бвой и солидным количеством спортивно оборученных мест выняти: стадионы, волейные станции, спортивные клубы и залы, стрельбища, тир, аперы и т. д. Стадионы в Москве, Иваново, Харькове, Воронеж, волейные станции в Свердловске, Криму, Москве, стрельбища в Минташи и т. д. являются лучшими сооружениями этого типа в СССР.

Лучшая гонимца на скринже

русла Мангыча на участке Кеке-Усуи—Состо разрезан в поповоушную сторону.

Вода Каспия течет, является амуюющей тягостью. Гигантские суда, грузные гравитанты, углем, жидкой нефтью и сыпучими халомов, войдут истерзитокилометровой просторной дорожкой канала в сверхающее Черное море.

Невогда мортвоизация в тифозном жару пустыни, газонная цивилизанным достоянство воды, избухают красными жемчужного плодородия, в тута, где раньше вышохило от голода олов бромия в посылках сухого, истерзимо, как проволока, травянистого мусора, запертут сочные пастбища.

Доктор Антон Игнатъевич, участник динамовской экспедиции, в своем дневнике не ошибся. Пустыня не аглошумует, временный утлоком сил. Сделает так, что ронное выливание воды, и она будет выгладеть прекрасной...

Мичетс травяной, нарядный, как загаранный человеком. На бону написано: «Сделан физкультурником коллективом Свердловского завода».

На пухлых валеках залезли автобус. Надпись: «Собран дорочию футбольной командой Автозавода».

М. И. ДАВРЕНТЪЕВ
нач. орг.-учебного отдела ЦС
ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Первое в СССР Прошло «Динамо» было организовано в 1925 году. Первая Обществен была не существовала ни в одной из областей нашей страны того времени. Культурная дисциплина для одорочения молодежи, предоставления им возможности заниматься спортом в основном виде и в дальнейшем, чем «Динамо» резко отличалось от других спортивных организаций того времени. Как известно, это наследие не существовало в нашей стране на первом же шагу развития спорта. Не было ни части, тиров, стрельбищ, лыжных—не было соответствующего решения к ним в исследовании рутинная школа стрелкового спорта советского стрелкового спорта. Постепенно однако преобладали в основном обрания бейсбольной активно-инициативной деятельности разносторонней «динамовская школа». Это шло тельно брой старым, отжили чения и практически сменялись на стрельбищах свое бесспорно Успехи Московского общества покрователи физкультурной и стали выводить к жизни охоты и на периферии. Созданы в 1925 году общества восточного «динамовская школа». Это шло тельно брой старым, отжили чения и практически сменялись на стрельбищах свое бесспорно Успехи Московского общества покрователи физкультурной и стали выводить к жизни охоты и на периферии. Созданы в 1925 году общества восточного «динамовская школа».

ДИНАМО

...ское спортивное общество
...но в мае 1923 года.

...владельцы, много организационно-культурно-спортивной организации различных спортивных физических развития своих... и развлечения —... общество. Единственным из обычных физкультурных... это спор в стрельбе... России, поэтому да... стокнуться с целью... материаль... было опыте, в... истощения. Пе... и урской армии... для развития... не молла... была была устра... тех неваж... полученных... обильное —... начинала реш... в астадах обра... в тирах и... иривство.

...по целому ряду... работы... «Динамо»... в Центральном... трессе.

...органizational... и районных... были сыгало... вернуть це...

...ионических... кадрах.

...Максимел... также стигнет роль и значение «Динамо» в прола... вое спортивное общество.

...Своим успехом организации «Динамо» обязаны в значительной... руководителем Николаем Кирилловичем Антипиным.

...Большую роль в деле строительства общества «Динамо» сыграл и личный комсомол. Во все свои мероприятия динамовцы неизменно... особенно... комсомольской помощи в особенности.

...Левинг т. Косарева «Комсомольско-физкультурник... динамовцев», выдвинутый им в своем... 10 летия «Динамо», является... работы общества «Динамо» и... в то же время на них ответственную задачу по... и расширению последней. Эта... динамовцев с комсомольцами. Эти... силами будет выполнена.

Баскетбол

динамовцы В. Милютин

...Алесь 1930 года вод Мичигского канала. У водо... в море, будет вытеснено; ичато, конечно, ...ухода лучших ударников и чтеца... «Раз... вуду для проведения канала, помнящему начало... работы, продела физкультурный коллектив динамовцев Северного Казахстана. И все.

3. Динамовцы по-чужу

...Испания вороненым строем винтовки густо... вывала сожжены. Мунда в баске. И сля... стрелок не знает себя, споей винтовки, он может. Смайлер берег винтовку и чимста. Винтовка и он... —одно поле. Смайлер — застер стрельбы. Один... в бое полахе ранее целому отделению... стрелок. Показатели динамовцев по стрельбе... очень высоки. Динамовцы умеют бить в цель без... промаха.

...Первенство по стрельбе: 1927 г. М. И. Авра... из 400 возможных — 332 очка. 1928 г. Шуган, 300 м, боевая винтовка, 276 из 300... возможных. 1929 г. Калинин, 50 м, 200 из 200... возможных. 1930 г. Андерс 600 м, 185 из 200... возможных. 1932 г. Титов, 200 м, 394 из 400... возможных.

4. Динамовцы в лесу

...Дремучая галочка старого неба... давит на человека. В закат... вечерних сумерек испрозрачного леса... охолоде и тишины гулкая перелю... самоты и ваяны. Они еще не... чедны акостей. Аничала шерсть знон... устилает подножья осен рыжими... коврами. Далеке, в низине осинки... в беспрерывном трепетании амтеше.

...Они решили немедленно напористо... развурнуть физкультурную работу.

...Работ колхоз. Колхоз трещала и по... чатылся. Дрнь, проделывая внутр... разрушила колхоз. Динамовцы при... подготовили с колхозниками о со... мственной физкультурной работе и за... держанна там на месяц.

...Ашадь—не человек. За грубое об... ражение она не умеет удерживать, хотя... впрочем многие за свое отношение и... колды влоно этого вакуунизации.

...Динамовцы доказали, что хорошее... отношение к ашадь, это—не много... сердце, а выгода. В каждую заутку, в... в каждой аэроулок валады динамов... цев, передаывали, испралали, зава... зывали, как надо работать.

...На отечном собрании, где колхозники... выражали свои благодарности динамовцам, речи были испрозрачны... тельны, но радости. В заключение... свое вала один из динамовцев и... предложил передать церковь под... физкультурный клуб.

...140 физкультурников намеревовал... динамовцы из подпольного колхоза. Шла... не только молодежи. Шан пок... лад. Один ашадь аэроулок высту... скляны в трусах, синихх из чистотого... синца, но потом, уверенно и азартно... 13—это рая пастыли!

...А воды не было. В колхозах, в... гимназиче трухлявых срублх дешен... ала вода, где жиренн черные... бордаватые ашадьши, чимста аш... бочки и еще какал-то разная дрянь. Но и эта вода в заступе иса... каала, и тогда со дня черная тоако... тинство жаку.

...А ведь почти рядом, хвастало... сверху на солнце, юная полнодерной... ручей, выливая свою вступную воду... дыть и дахине томариные бола... И вот 17 динамовцев начали бурор... житье деревню.

...Вечерами после работы колхозники... динамовцами по гавне начали про... рывать канал для того, чтобы по... ровному, как гуарированному, к... руду провести прозрачную ассу... рую воду.

...Когда ручей уже повернул к коло... ду и ашуде по новому... руду, динамовцы реши... лад, что отогг асстак... чал. Нупоо салать... пруд. И вот, показывая, как... могут работать со... ветские физкультурники, динамовцы показали рать... аже для пруда.

...Пруд в сень за зло... лебл на своей поверх... сти отрудилась леб... бора тёмнобурой земли... осталась после рытв... пруда. К ней скоро... рытвы и уже думала, что... она существует давно.

...Куча сжгла. Она... начала приобретать кле... нте формы. Ее развир... вала развалинами. В... один солнечный день с... того места, где была... рытвы рылами гора... вороненым земл, по...

...самыхлесь бри... рурная мар... вья музыка. Динамовцы... традионалы отбры... в своего ст... диона.

На воду

...Хорошо иметь... стадион. Хоро... шо иметь труду, на котором... ному кататься на... аде. Но это... чело. Вода... бего стрелбного... рыбего влелас... ка мерта и бе... полова. Дина... мовцы знали и... чувствовали это... Влесе с колохоз... ными активны... они привлекле... ва аселение во... Сотн тысяч прытких млаков юринул в... омысленный пруд.

...Вечером становле... вессо и шумно. С разбегу... с шестом влелает на воздух ашадь мускулистый... физкультурник. Бамбуковый шест в напруженном... дребезжании амлетает у паваня. А из пруда... отлетно выплывает оплелывающим какином жирная... ирговая рыба.

...У дамбы пруда слышится мостовой гул... падоющей тяжелой воды. Еслы под волною... подствать ашадь, руку стрелбного отдаст... шина... мига мига воды. Постоянно, непрерывно, день... и ночь грохочет вода.

...На стелене бегало всегда асело и шумно. Но... динамовцы слышали испрозрачные бурманые водо... Слыа, отрубая сна, а так испрозрачно расклетел... Обидно! Вечером на дамбе, у волнода динамовцы... стали собираться чаще, чем на стадионе. Что-то... занимало, измывали.

...Вечером, сля в избух, с ашадями, исплывающими... жирным тусклым цветом веронных лам, колохозники... толмовали о тайнственной работе динамовцев на... дамбе. «Ведать, новые сорта рыбы плодять бу... дут. А может, иахотую аэуто. Говорим, ашадь... в избу по трубам можно воду пустиль!»—мечтала... говорила отнюдо пазованной шопотом.

...Турбиня в 50 сил устанавливали дого и тид... сталею. Колохозники физкультурники от деревенного... приаэмотного строения, где была построена дина... момашине, под руководством динамовцев росли... вали аэлектрические прозода по асему колохозу. Бе... лые чашки аэауторов выгладели за вокзал зди... нашно и умно. Сроем шуса бамбаска.

...Вода хлынула в турбину, турбина, замчала, и... повернулась раа, потом еще раз, потом быстрее, бы... стрее. Наконец зашумела с неяркой дровиной. Из... динамомашини хамура белый сок аэлектричества и... вытек по напруженно вытнутым проволкам. Зре... вали истоно и ашоманной лорова, напухавшие... чистым ярком светом в своих стоабах. На дамбе... заремала белый уресс.

...Колохозники Верхнекомского района подлаз... аявление с просьбой переименовать их район из... Верхнекомского в Динамовский.

Динамовцы-теннисисты на Красной площади

Н. ЛЕБЕДЕВ КУРГАН

ПИЛЬЩИК ТЁСА

Я — пильщик,
Я нравлюсь крут,
Порой бываю злой,
Делаю я тяжёлый труд
С тяжёлой своей пилой.
В работе целые дни
Качаюсь вверх и вниз,

И грузом,
С часа на час
Копится усталь
в плечах.

Ты песни живой поток
Дари трудовой страде,
А я —
Не смеюся, браток,
Песен
В своей труде!

Нагадую
Завянут рот,
Дондик отколет кос,
И каплет со мной пот
На белый
Пахучий тес.

Вон палочек много
И столяр,
А я, няврягаюсь,
Малю,
И теплится за пилу:
Шучу над тобой.

Шу-чу, шу-чу, шу-чу!..
Но я не скажу;
«Прости»
Сарафанчик мой пиле,
Я вывалил, куда расти
Дереву
Ныших лет.

Вышла на штурм страна,
Пилает старье страны!
И на-смерть обласна
Ручному труду юной.
Я вижу:
Упрям поход.
Так мне ли
Дремать в туму,
Когда ботатеры — привоз —
Смешит мою пилу!?

И я
От того не размык
И стал торчать в борьбе,
Что каждай мой лишней взямак
Торонит эпохи бег.
А я тороплю дела
Ишьем и рук и чувств.
Недаром кричит пила:

Работы хочу, хочу!

Работай
И не тужи,
Труду отдавай славу.
Уж резулт на тес крижи
Полнота заводских пил.
И пиланьями наших дней,
Раскладные по стране,
Машите пилы слышей!

Второй!!!
Чтоб живым без конца пилею
И лесок был труд лаву,
Летай же злов пилею,
— Лечу!
— Лечу!

О увлечением работают фабазицы школы Накромства в своем изобружие

И они приходят — мать или отец. Они торпаят на завод или, наоборот, забывают устале с работи и с грустью высказывают, что их там то-то и то-то. А ведь должно бы быть наоборот. Семья должна прийти в школу за советом, с просьбой «взвешить» их ребинком.

Кто не знает наших старых московских домов, где асфальтовый двор, как колодец, закрытый серыми громадинами этажей, с вставленным наверху черным небом, где с утра до вечера толкаться летовра и где ими никто не занимается. Ребята по-старше играют в «орлянку», иной раз в доны. Из спорных битовых и лезгивных рождается прогрессив. Кто-нибудь из изумленных уже прилагает торпояты лампосрами. И тут слышишь — тут учмак ушуд, на палочках: «Эксперимент! Запретимся! Подлода, аккуривай!»

Знакомство с ушудей, с «блатными» ребятами — первый этап. Потом кто-нибудь из таких ребят предлагает краденый бумажник. И ствало и неудобно отказываться. Скажут, дружище! Фартовые ребята ходят в ботиночках «дизайнер», в перекатах в них там пиджаки. Предлагают выпить. Через некоторое время родители узнают, что сын давно уже не был в школе. А на это время под руководством опытных «шпримачи» он уже сам пробовал узнать, что-нибудь у молодежи происходит. А там и вешло — вино, карты, девочки. Главой парней, продавая билеты в школу, сбивает дружок. Возвратился кино, клуб, пошлаа есть свои «блатники», пытающиеся пополнить кадры новыми ребятами, появляющимися в эксплоатацию к взрослым.

Вот один из характерных случаев. Два парня. Обоем по 16-17 лет. Учатся в школах ФЭУ, один на слесаря, другой на токаря. Живут в одном доме. Там же живет некто Макекс. Он авантюрист с нивни авантюристом, угождает. Обещает много денег. Соблазняет возможность купить велосипед. И в результате использует их для образования какого-то института, где они позициони несколько чешовских готоваласе. Продавал их сам Макекс. Ребятам дал немого денег и несколько готоваласе. Они попытались «связать» их в комиссионный магазин и попались.

— А кто же этот Макекс? — спрашиваю у ребят.
— На нашем дворе жила. Раньше они ботали были. Фабрина у них была. Вязание там всякие вещи делали.

— Да он, загвуда, когда нас в мизинию повазил. Желе угориваласе, чтобы мы на себя все взяли. Бы, мол, мажористские, с все везити галден...

В блатных притонах можно найти сейчас блатных офицеров, торговцев, раскулаченных. Классовой путь уходит в подполье. Он продолжает своим гнилым дымлением нашу молодежь, разлагать школу.

С безнадзорностью нужно бороться как с величайшим злом. Нужно помочь семье воспитать здоровую семью, организовать среду для наших ребят и предоставить им ее справедливо и прилежно. Взвешивая. Прежде всего должны быть созданы какие-то точки внешкольной работы среди подрастающих. Нужно руководить их досугом, заставить чем-то увлечь и бороться против зла. На это нужны средства. Но ведь существует же школьная кооперация! По ее подобию можно организовать кооперацию внешкольную, привлекая к этому делу семью

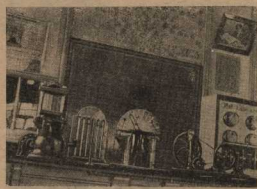
и родителей. Активировать инициативу и фантазию! Конечно, психологическая консультация говорила «всобщее» о создании внешкольных учреждений для работы с детьми в домах Трегорию, родители регулярно отлучались. Но когда подсчитали среднюю сумму, уходившую в год по этому делу на рабочие стелка, порванные штаны, ходящие по амбулаториям, то получили значительные цифры.

Нужно уходить от установившихся канонических методов руководства и искать новые и уникальные формы работы. А самое главное, пора перестать руководить «эпохой». Масса ребят распадается на отдаленные люди, со своим, особым путем развития. Нужно научиться руководить дифференцированно и знать каждого парня или девушку со всеми их особенностями, достоинствами и недостатками, чтобы вовремя, и нужной, критический момент помочь им. Если как-то часть ребят уходит из школы и смен на ушуд, то виноваты здесь прежде всего мы сами.

Комсомольцы и пионеры не должны замыкаться в своих ячейках, клубах, базах. Это их дело — руководить неорганизованной молодежью. Все места, где она собирается, надо знать. Крепкими, проверенными ребятами нечего бояться этих мест. Каждая ячейка, отряд, клуб, база должна выбрать хотя бы один участок и работать на нем. В каждом батюном являе комсомольцы и пионеры должны заинтересоваться этим участком рабочего класса. И не только поинтересоваться, но и поработать. Здесь «блат» может принести вред лишь в сочетании с группами О.Х.М. и советами административного воздействия с воспитательной работой.

Наконец нечего стыдиться этого зла, когда говорят о тате подрастующих ребят к приключению, к романтике, к неформальным положениям, что иногда и создает благоприятную почву для «блатных» явлений.

Нечего делать постыдную инициативу и пичкать ребят предписанной методикой. Нужно изучаться охватить все это в язык жизни, увидеть настоящих образов, необычайных положений, стремительного сюжета. Детская литература до сих пор еще не научалась этого делать, за редкими, быть может, исключениями.

Мудреные приборы физического кабинета не устраивают школьников

нами, как «Кара-Булгак Паустовского или «Расклад» о великом плане» Ильина. Нужно создать тип героя для ребят, которому ни хотелось бы подражать. И это должен быть именно герой — безстрашный, находчивый, смелый. Это может быть некто Владов — советский геолог-разведчик, штурмующий горы и моря. Или конструктор-изобретатель, рождающий новые чудеса советской техники. Да мало ли их может быть! Жизнь нашей страны подвигает такие интереснейшие темы и сюжеты, что за ними не упустить никакого буржуазному мастеру автантиру. И тогда подается героическая слава великого и худого мужичику с трубой в зубах, знающего пенел все охорок сигарет. И мистер Шерак Холмс перестает владеть уми наших подрастающих.

НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

Первый всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей выявил ряд талантливых молодых дарований. Они отмечены специальным постановлением и премиями Совнаркома. Мы можем теперь уверенно говорить о существовании советского стиля исполнения. Родился новый музыкально-исполнительский мастерство которого совпало нашему времени.

Баба Притыкина

Вначале многими быма проявлен скептицизм, общественность являла гаубкою молчания, и даже пресса не удавала достаточного внимания тязому авантюрному факту.

Об этих людях почти не говорили. Самому старшему в 1917 г. было не больше 19—20 лет, а самый младший— ровесник Октября. Они с'ездили со всех концов Советского союза и показывали свои достижения. Это было на I всесоюзном конкурсе пианистов, скрипачей, виолончелистов и вокалистов. Им удалось одержать блестящую победу над скептиками.

У молодого советского музыканта— зрелая зловровая сущность. Он слышит из того же материала и прокинут теми же идеями, что и другие советские молодые люди, работающие на наших фабриках и заводах. Он— не кодула, обладающий таинственной способностью слышать «чистому» искусству, он— новый человек, обладающий средствами своего мастерства интереса своего класса.

В дни конкурса в Большом зале Московской консерватории царил абсолютнейшее оживление. Приблизилась заключительные испытания. К ним была допущена 52 человека из 103 сообразивших в Москве. 26 удостоились премий. Но победителям следует считать не только их, а и всю массу молодых исполнителей, которая прошла на предварительных конкурсах.

На сцене один за другим появлялись молодые исполнители. Они демонстрировали свое мастерство, в котором нет штампов, кособокости, консерватизма. Эти люди научились «рассказывать» по-новому. Они берут из произведения только то «крепкое, значительное, выразительное и гаубкое, что нам нужно, и отбрасывают все большое и неврастачное. Слушатели понимают их язык. А завоевать слушателя не так легко!

Вот перед вами шестнадцатилетний пианист Самуил Гилельс, получивший первую премию. Он играет «Сладкую Фигаро». Это— большое произведение, написанное Листом для фортепиано на темы модартовской оперы того же названия. Это— красивое блестящее произведение, очень трудное, но исключительно интереснейшее.

Гилельс начинает играть. Он посылает нам и уверенно раскрывает перед слушателями свои замыслы и замыслы композитора. Он делает это решительно, с большим техническим мастерством и с повелительной прозрачностью. Он не устает формальными возможностями в ущерб идейной и смысловой сущности произведения. Его исполнение проникнуто бодростью. Слушатели не могут не поддаться очарованию игры шестнадцатилетнего пианиста.

Но секрет этого успеха надо будет искать не только в природных дарованиях Гилельса, но и в той внутренней идейной насыщенности, которая не оставляет места для сомнений, колебаний и неврастачных переживаний. Человек, обладающий этими бесценными чертами, не может быть стрелком завода или капитаном корабля, не может он быть и подлинным советским музыкантом-исполнителем, который так нужен нам сегодня.

А Гилельс может. И он не одинок. Здоровые черты, характеризующие его исполнительскую сущность, свойственны многим участникам всесоюзного конкурса.

Скрипачка Баба Притыкина получала на конкурсе вторую премию. Баба 15 мая 16 лет. Она с участием рассказывает мне о своем везучестве, о разговоре с т. Сталиным, с т. Бу-

бушиным. Она показывает мне ценные подарки, полученные ею от правительства. Почтнее место среди этих подарков занимает великолепная итальянская скрипка Гальяно, которую Баба получила из государственной коллекции старинных инструментов.

Баба берет смычок, играет Шумана, Чайковского, Крейслера, Вивьенского. Перед слушателем— союз-

Буся Гольдштейн со своим учителем, профессором Ниполвским

ная, замечательная артистка. Скрипка звучит выразительно и благородно. Баба играет отдельные куски из концерта Чайковского, играет хорошо, технически чисто. Конечно это еще не зрелый музыкант, конечно она еще не может полностью выявить богатства гениального скрипичного концерта, но и то, что она уже в состоянии сделать, порадует.

Баба— комсомола, она органической участницей той среды, которую призвана обслуживать своим искусством. Баба и другие наши молодые исполнители окружены особым вниманием общественных и комсомольских организаций. Им созданы благоприятные условия для успешного роста и работы

У каждого из 26 премированных исполнителей свои индивидуальность и свое исполнительское лицо. Но одна черта роднит выступивших на конкурсе. Это то новое, советское отношение к материалу, которое можно было наблюдать и у виолончелистов, и у скрипачей, и у пианистов, и у вокалистов.

Молодая призвала совестилиозно исполнительского искусства. В его рядах партиями, комсомольцами, пианирами и... октябристами.

Четыре сменки! Все они приводят в свое мастерство новые качества свежести, бодрости и ясности. И даже пианиры и даже октябристы!

На музыкальных торжествах вне конкурса выступили 9 исполнителей-виртуозов в возрасте от 8 до 14 лет. Они совсем не положили ни неслучайно заслуженных вудеркинов буржуазных стрел. Наши вудеркины окружены вниманием и заботой. Они веселы и здоровы. Они еще не перестали быть детьми, не стали еще профессионалами. Им еще надо окрепнуть и выдаться. Это— таланты. Их надо беречь. Они идут вперед за своими старшими товарищами, которые на всесоюзном конкурсе исполнительский одержали огромную победу.

Одесская группа участво конкурса. Слева направо: Миша Фихтенгольц, студент проф. Столярский, Самуил Гилельс, Лида Фихтенгольц, проф. Рейнгольц, Лида Гилельс

АЛЕКСЕЙ НОНДАНОВ

Творческий багаж молодого комсомольского писателя Алексея Конахова в полах еще не велик. В 1931 г. он выпустил в библиотеке «Смены» небольшой рассказ «Враги», где хорошо знакомому ему материалю показал предельскую деятельность классового врага, проникшего на завод, это попытку сарказма социалистическое сознание и удачливость, дезорганизовать производство.

Уже в этом рассказе заметно стремление Конахова не столько раскрыть суть темы, а найти нечто большее, чем задрожав конкретный факт, подняться его на высоту художественного обобщения. Автор хорошо чувствует свой материал, в это делает его рассказ убедительным и правдивым, но малопривлекательным внешне, некоторый схематизм — следствие еще недостаточной художественной культуры — делает этот рассказ лишь подготовительным этюдом к следующему, уже большому произведению.

«Записки фабрика»¹, вышедшие в 1932 г. в издательстве «Молодая гвардия» — повесть о том, как формируется активный строитель социализма, как комсомолец переделывает человека, воспитывает большевистскую смену ленинской партии.

Конахов в форме дневника молодого рабочего парня описывает историю политтехнического обучения, название школы, крепко связанной с производством, давшей уже и продолжающей давать Советскому союзу тысячи высококвалифицированных и сознательных proletarians. Автор последовательно проводит своего героя по всем ступеням лестницы, отдающего хулигана, постоянного нарушителя школьной и производственной дисциплины (такой герой в начале книги) от передового комсомольца, так и становится к концу.

Богатый фактический материал «Записок фабрика» скреплен цементующей силой о воспитательной роли комсомола и рабочего коллектива. Значительней этой идеи, важность покажа ФЗУ,

¹ Алексей Конахов, Записки фабрика, повесть. «Молодая гвардия», 1932 г., стр. 174, ч. 1, р. 75 к., переплет 50 коп.

кузницы proletarianских кадров, вряд ли нужно доказывать. Конахов — один из первых писателей, вышедших на эту благодарную, но трудную задачу, и он, несмотря на отдельные ошибки, удачно разрешил ее.

В чем же секрет успешности этого воспитания? Как комсомолец переиспитывает рабочих подростков? Правильно ответить на этот вопрос — значит правильно решить главную задачу. И Конахов отвечает на вопрос верно — секрет в индивидуальном подходе к каждому человеку, в учете его личностных особенностей и слабостей.

У героя книги изумрудная рабочая смекалка. Он стремится к активности. Когда его более опытные и сознательные товарищи удается переключить эту активность с разрушения на создание, на расширение ФЗУ, на улучшение его работы, поворот совершил. Остается закрепить его, тогда вступает в комсомол, организует ударную бригаду, быстро вырастает в руководителя местной организации.

Конахов дает ряд запоминающихся портретов (Дорожин, Илюша, Калестов), ярких эпизодов «фабрической» жизни и учебы. Он показывает героя и в домашней обстановке, где тот скоро сам становится воспитателем, передавая шаг за шагом своего отца — старого рабочего, у которого еще много пережитков мелкобуржуазного сознания.

В «Записках фабрика» нет и тени того ханжества, которое ниспровержили многие книги буржуазных писателей о подрастающих. Повесть Конахова тем и хороша, что в ней показан путь (вернее начало пути) нового человека, не похожего на героев Конахову «взросле», которые в этой «внешней» книге о юных занимается довольно большое место. Нам кажется, что здесь автор остался в значительной степени в плену у северных литературных традиций, по которым учителя обязательно изображались смешными и малыми делателями, действующими отталкиванием на своих учеников. Если преподаватели гимназий, реальных школ и т. п. в старой России и были в значительной степени таковы, то совсем иные педагогические кадры у советской школы. Высмеивание их

А. Нонданов

в «Записках фабрика» является досадным недостатком книги.

Конахов неплохо владеет искусством занимательности. В конкретности материала — обобщение значительности его книги, сведении изобразительных средств.

Комсомолец Конахову не только объективной и интереснейшей тематикой, но и сделавший его писателем, вправе задать от него дальнейших литературных успехов. Конахов — еще не мастер, но он идет правильными путем и тому, чтобы стать им. Он сумел раскрывать интересно и хорошо о жизни своего ровесника, герой, социально значимый лично одного из героев нашего времени, и в этом залог его дальнейшего роста как художника комсомола.

Б. БЕЛИНСКИЙ

БЕТОВЕН

Я встречаюсь с ним
в зале Феликс Копа,
Он проносит за кушет
свой зеленый камзол,
Нас две тыщи юнцов,
залестивших крутые балконы,
Чтобы ваять у столетий
припрятанный дог.
И диванное смичка
заз приподнял и сковал,
На витягах трубы
заветает лугунный загар.
Над органом,
над залом,
над всем,
поднимается Людвиг Бетовен
Под грозу,
под раскаты аз'ренных фанфар!
Он не может вписаться
в их тесной гортани,
Как парадская червь —
в палатке разворот,
Якобинских знамен
обогранный стивиданн дыханием.
Он встает как из шперинок,
как друг, как брат,
Мы шагнем в плечо,
Ветер грубым ударом
Бьет ипотери в лицо.
Он мне близок, как брат,
Ветер все,
ошанданных столетья разворон,
Всех востаный эпохи
и всех баррикад!
Отстреленные бомфандам
наветрует котором
Поднимается,
вренит в овражных зла,
Мы встретимся вмиг джиренра,
Как никто — никогда
его не встречал!

Л. Архангельский

«Бесцветные мы
солгата долга,
Под яростным военным небом,
Чтобы республика была
Богата песнями и хлебом,
Чтобы неслись дамы
Из тех аэручал и не меркан.
Чьи руки пролетел
На историческую стелку».

Это из стихотворения «Платформа Утомская». Из стихов о героях нашей революции и новом колхозном хлебе составлена вся книга «Северная весна».

Вы открываете книгу и читаете сильные лирические стихи о «блуднице» — одном из тех, «чьи руки первые легли на историческую стелку» нашей революции. Далее идут стихи о бою в окрестностях гражданской войны, о будничной гармонии и о суботничке на товарищи. Эти революционные исторические сюжеты разработаны автором в лирическом плане. Лирizam, пронизывающий стихи, показывает, какая весна близка сердцу поэта.

Это — весна революции.
В книге отображена борьба с кулачеством («Колоды и аэручал»), коллективизация косячных пален («Литвагский дождик»), индустриализация страны («Болотное утро»). И в этих стихах весна дана автором как верная жаркого боя за колхозом, за индустрием. Недаром в эпилоге к книге мы читаем:
«Она пришла и стала рядом,
Горя звездой, греясь прикладом».

О «СЕВЕРНОЙ ВЕСНЕ»

Леонида Архангельского

Если вы хотите
составить
общее представление
о книге в целом,
то возьмите следующие
строфы:

«Это — обобщающий образ весны. Образ конкретизированный взглядом стихотворцем, и в этом — большое достоинство поэтической работы Л. Архангельского».

Автор избегает пестроты о весне и молодости. Но «белой зарницей» влетает в книгу стихотворение «Крымский поэт», в котором есть такие строки:

«Ах, сердце, ты в тумане розовом —
Мечты осуществлений чаш!»
Это — от мистических сторон поэзии Блока. Отметим это здесь, чтобы автор понял: «Блудница» — профиль которого встал перед поэтом из бражки горючих и солонных, несомненно с «розовым туманом» и «лазной мушкет». Даже цитата, освещив колхозное, данна теперь от этой «мушкет»:
«Прощай, Ахто, нам с тобой
Не по пути — в степном простраистве,
Век равенчал своей борьбой
Традиционный бубни странствий».

(Цитировать не следует).
Развенчан поэзия «традиционного бубни странствий», автор по существу развенчивает поэзию розовых туманов. Вот почему мы назвали стихотворение «Крымский поэт» белой зарницей в книге «Северная весна». Но нечто формальное в книге Блока лежит на всей книге. И это представляет опасность для автора.

Чувствуется тщательная работа автора над словом, над образцом. В книге нет заметных формальных лягушек, хотя и встречаются неопределенные сравнения (читатель не видит например в стихотворении «Литвагский путь»). Заметно приращение автора к ливам, на наш взгляд ничего не говорящих читателю, как «неизданный» и «всобирающий» («глаза — невнятная глупость», «необычайной странной»). Как недостаток надо отметить также и малую некоторую литературную приглядность, которую автор должен и может проследить.

СЪРЬЕ, ОБРАЗ, ИДЕЯ

Ник. Ушаков

Образ рождается в биографии поэта. В паспорте образа должен стоять месяц и время его рождения. Только такой образ имеет право жить в стихах поэзии.

Небольшой прибалтийский городок Гансаля. Кирха в шпильнике, море спокойное, как исцал, замаслившее створки. Раздалаши баронского замка; там и дунные поны покаывают тень далама. Некоторые ее видят. Умцы носят название «примендов» — «фрикиский», «твизий», «песчаный». Главное здание кирхалы — визанье издасель, шифров, восточное. Одинокое художество из нот, востановило град манает белую вуану. В гавани вьедат парусник, полный проселит. В городе нехватит красавиц. Особо балтийский ветер стелдася сорвать с веревки ярмарочные лавки, стогодыт торфа. Город пахнет красной и десными покладом.

Это из биографии поэта. Он жил здесь в 1911—1912 гг., когда прибалтийский городок вошел в состав Российской империи. Изучившие в детстве черты как лучше, лучше подползат к буржуазному государству-империю и сейчас.

Стихотворение «Амистроф» уже зачато:
Везут на бойню эсты
автомобильных машин:
не слышны в мире места
подобного — тесней

Художник в красном свитре сидит у вставал,
шпильником обстриет
за курчавы вьедат.

Но только ветер слышно
качает
миллиметр
и шалт,
Химический красильный
и мистной
пазает.

Луной вуану арабрует,
и воти прозвонять
выводит
латинский рыжий
на твизий променад.

Конкретное время и место помогают поэту лучше увидеть мир в его деталях и выбрать из них наиболее типичные. Конкретное место и время — неисчерпаемый склад своего поэтического материала.

Зимняя вуанга, жаровня трамвайных стрелочниц в газок трюмокаретной связаны в моем представлении с зимней походкой перед московским музеем Красной армии («Зимние ямбы»). Брант-мамом из другого моего стихотворения «Амистроф» находится в Москве в Кироварбатском переулке.

Как первичный материал жизни аходит во вторичный материал — слово.

Но поэту не приходится ограничиваться только лишь опитом. Материал он добывает из жизни, которую на первый взгляд никакого отношения к литературе не имеют. В библиотеке поэта наряду с образами предшествующими должны быть учебники и сельскохозяйственные каменари, учебники советской физики, натураловка, географический атлас и многие другие. Именно в подобных «справочниках» случает искать поэтическое слово.

Так, стихи о последних днях германского фронта и о торжестве Америки рождаются из американского сообщения с фронта о падении вьет-французско-американскими войсками Седана (ноябрь 1918 г.), из солдатовск заплюк о падении Седана во францо-пруссую кампанью, из брошюры по истории дала-блэк, надвигной Тва-инновельчоты, и заявления германского императорского двора (январь 1918 года), вычитанного в «Варнери твоблетты».

Ботанически! термины яам слово, замимовольство из языка шифров, какая-нибудь «тректован» или «аудиторство», звучит поэтически традиционным словосочетанием. Новые слова вьедат за собой и новую ритмику (вместо «стопно-шпюнка», «стопко-тректован»).

Под влиянием нового синтаксиса, подсаждающего из умелит, рождается и новые ритмы.

«Сильно» поэт не записывает голым зарифмованном газетной статьи или передождением ее в стихотворение размерами. Газета, как и всякий материал, — лишь повод к созданию образов. Но и это еще не все.

Было бы очень печально, если бы поэт ограничивался набором хотя и самостоятельно открытыми и свежими, но не направленными в одну цель поэтических образов. Поэт в данном случае был бы пассивным объектом реставрации; он был бы живописцем, который вместо того, чтобы показать свою вуану на одном полотне, задулал срисовать ее с его трамвая, умцы, вуановы, всех ее людей. Задача поэта — обрамлять и выстраивать.

Поэт дает обрамлам одно направление, он как бы приводит их к одному знаменателю — основной своей идее.

О променадах и молбартет говорить не стоит ради их самих, или бы они сорваны и брант. Поэт не может быть равнодушным. Поэзия лишь тогда возможна, когда она спорит, борется, вьедоудет и восхитится.

В стихотворении «Амистроф» на фоне иронически вытает детали буржуазной республики рыжий баронского замка, а может быть, и сам приказ следит —

Не видно ли востангий
в красильной сабодет?

Повторяющиеся упоминания, классовая направленность образов вытает.

Приходится заниматься за цитаты из своих работ, но собственная практика позволяет гораздо нагляднее показать связь технологических моментов с идеологическими.

Основной недостаток наших учебников стихосложения тот, что они, в основном будучи формалистскими, об этой связи умалчивают.

Именно история такой связи и должна быть предметом их исследования.

Тогда станет понятно, почему методом поэтической изобразительности становится все слабее.

Тогда будет ясно, почему Тарнер травила более науостити стихов, чтобы изобразить, как Пеленгола достает лук (а вся ее задача заключалась в том, чтобы оттереть каловую и снить лук с твизия), и почему Салемский дает бегство своего героя в дух стронах?

И вот крошечный толчок жесотам Умцалас, урновалас и мальчишовой фондрии, и отычав в XIX веке описывали бы позад и наивальнича и купит, куда чеподом вьесал, и как позад тронулса, и как он прошеял мимо станицы, и наконец как светился фондрия на последнем вагоне.

С точки зрения оваления современного твизия и истории в своих стихах образов в одну классовую заостренную систему случает рассмотреть и стихи авторов, приславших в «Смену» свои рукописи.

Степи Мадумалвца (Полоуд), Песенка (Валодат), Волковца (Днепропетровск), Кузнецовца (Симферополь), Митина (Москва) ровны и гладки. Некоторые их вьедит («На южнвалк» Магвельчца) даже получают легкостью своего ритма, но все же эти стихи не связаны с определенными моментами.

Они написаны в Днепротроитрск, Москва, Вологод, Полоуде, но напарно было бы искать в них какие-нибудь впервые именно втими авторами введенные детали, характерные для этих городов, для этих авторов, для их профессий. Странный твизиялов, которые ест в Вологде и в Полоуде, но которые в своих деталях всеяде различны. Только научась видеть, поэт перестает жить по чужому поэтическому языку.

Чужой и в данном случае, старинный псалом образовидея поэта, выбранный не очень удачной псевдоним Скандальста (Поитис), обращаться к Гитлеру: «О, тирая! забудь свои надендети Мечом кровавым тве не устраивай работ», называть селькоручку «младой» и вставлять в нее брант, брант ест Слово «раби», связанное с эпохой натурального хозяйства, никак не может быть характерным для германского пролетариата XX века. Фелетис, пожалуй, современным урвизмом, мечей в ход не пускают. Тов. Скандальст берет из газетного словаря не только слова и обороты, но брочные штампы: «раби», меч», «тиран».

Слово «раби», связанное с эпохой натурального хозяйства, никак не может быть характерным для германского пролетариата XX века. Фелетис, пожалуй, современным урвизмом, мечей в ход не пускают. Тов. Скандальст берет из газетного словаря не только слова и обороты, но брочные штампы: «раби», меч», «тиран».

Слово «раби», связанное с эпохой натурального хозяйства, никак не может быть характерным для германского пролетариата XX века. Фелетис, пожалуй, современным урвизмом, мечей в ход не пускают. Тов. Скандальст берет из газетного словаря не только слова и обороты, но брочные штампы: «раби», меч», «тиран».

Слово «раби», связанное с эпохой натурального хозяйства, никак не может быть характерным для германского пролетариата XX века. Фелетис, пожалуй, современным урвизмом, мечей в ход не пускают. Тов. Скандальст берет из газетного словаря не только слова и обороты, но брочные штампы: «раби», меч», «тиран».

Тов. Соркин пишет, что его нех вьедт к победе, но называет это «воружением». Слово «обрамлять» говорит о борьбе и силе, слово «воруживание» — о голубых слабости, мире. Газов образам воруживание и победа в данном стихотворении не уживаются.

Товарищи Комаров (Камароска), Лебедев (Стригерская свобода) и Фюкстисов более чутки и образно, но некоторые из них, например т. Комаров еще не приучились экономить выразительные средства.

Хороший и четкий образ — стечет Амур мелоду двух систем, страна от страны на одной аресте — разбавил поэтом водой восьмидесяти строк.

Автор говорит:
Торюится к морю
Амурс-река.
Идет натурельств.

Итак в ругал.

Во вместо того, чтобы ограничиться втими и непосредственно перейти к хозяйству страны, который держит дозор на границе, Комаров тратит четыре строки на обещание, что именно натурельств. Это надо сделать или в той же первой строке с маркичелом или ограничиться двумя обидными высеками.

И Фюкстисов и Лебедев горюад экономнее. Лебедев умеет по-исому описать трудную тему о Ленине, он дает параллельное описание своего детства в отдельных моментах из жизни Владимира Ильича.

Попа по чужим колда и,
Раз лет у своих твизия,
Две пуля в тебя вьесалд
Из браунинга — Капалв.

Неплохо о новой дружбе говорит и Юрий Фюкстисов:

И вьата моя
Соседе не ет яроу,
А в самом поезде,
В самом бою.

Лебедев находится под большим влиянием Луговского, Фюкстисов учится у Багритского.

Самый факт влияния вполне законен. Ни один поэт не обходится без учителей. Но одновременно с этим случает помнить, что умение находить образы в собственной биографии помогает поэту выйти на самостоятельную дорогу.

Выдайте стихи тов. Лебедева и Фюкстисова, бы ло бы исследовать, находить и в других поэтах один или много погрешности.

Тов. Скандальст способен (и это хорошо) называть волами физкультурницы «розовым киргизом», у т. Сорвина сложится величисто и главно поля на плачущим («Альпийский пробег»), и она сир твоа шалочка калется синим цветком», т. Кузнецов может сравнительно крепко склолать арифми:

Нужно так любить и ненавидеть,
Чтоб в любви
Большую жизнь увидеть,
Ненависть к врагу прожить в глазах.

Можно было бы говорить и о других удачных местах в стихах тех или иных поэтов, но основная наша задача не в этом.

Гораздо важнее убедиться, что только мастер создаст произведение, достойное своего времени и своего класса, и что на пути к овладению мастерством они должны найти собственные сърье, выработать в себе чуткость и образостроение, в частности — пронайти ась свою творческую страсть борьбы за более прогрессивную.

НИКОЛАЙ УШАКОВ

ФАБРИЧНЫЙ ЛИЦЕЙ

Бывший сторож Троице-Сергиевской лавры «Василий Иванов, сын Прохоров», принимая добротные даяния богомолов, скопил между делом. Он приехал в Москву, сперва имел пивоварню, а потом подыскал «шмелца» красковорокского дела и вместе с ним открыл на Пресне у Трех Гор фабрику красной сапога. Это было в 1799 году.

Но дела он не поощрял. Первый компаней он вскоре открыл самостоятельную фабрику, переняв к себе всех «шмелца» и мастеровых. Тогда Прохоров напал бельгийской мастери, но тот предъявил требования, чтобы рабочие были грамотными.

И сын основателя фабрики Тимофей Прохоров, подталкиваемый в спину развивавшим промышленному капиталу, организовал в 1816 году первую в России «приготовительную к фабричному мастерству школу». Очерк Баутин показывает зарождение этого капиталистического фабрика, предназначенного для закрытия и дрессировки рабочих-подростков.

Ситцевый фабрикант Прохоров решил начать обучение подростков, рассчитывая вернуть затраченный капитал с лихвой. Набор учеников на язычку был назначен в мае.

На входе в старую мастерскую повесили вывеску в узорной оловянной раме:

«Первая приуготовительная к фабричному мастерству школа».

25 мая, в воскресенье, состоялся отбор учеников. Большая классная комната в 6 часов утра потесненно наполнилась рабочими. Они приводили своих сыновей, чтобы отдать «в научение ремесла».

Показаны бельгийцами, промывальщицы полотен, ткачихи тоже пришли с ребятами.

Ребята составили свою группу. Среди них были десятилетние мальчишки, пришедшие с отцами и прямо из деревни и бойкие пятнадцатилетние юношечки, уже не первый год работающие на фабрике.

Ребята ждали, то и дело поглядывая на дверь. В класс вошла пожилая шивалда-уштер. Правая нога у него была на деревяных, на груди поблескивала серебряная медаль «за храбрость».

Он вышел, потянувшись деревялкой, зажимая подмышкой златые розги. Розги он нес открыто, как похвалитесь.

Среди ребят пощамсались шопот и востановленные позы. Тогда уштер грозно глянул на ребят, как вводящий на новобранцев, крестуна сивый ус и язычок крикнул:

— Ну вы, халдеи! Что горло дерете? Ты, Амлет! Отойди в сторону!

Через минуту все уже знало, что он, отставной солдат Ушлов, нанят хозяином на должность школьного дядьки и что у него не зבלаушки.

Внезапно дверь распахнулась. Послащались вогагасы:

— Сам идет!

Хозяин вошел с целой свитой: тут были три его сына—образганы, испомеряющий толщин Иван, который вел торговые дела фабрике, и Тимоша соидно выступавший 13-летний Яна и Тимоша. Пришел бельгийский мастер Тизан.

На скамьию у стола сел сам Прохоров, толстая Илья и несомненный, толстый, как сударь, человек в сортухе со светлыми пуговицами. Прохоров был в новом длинном кафтани и все время держал левую руку на груди. Эта поза считалась благочестивой.

Прохоров говорил тут слышно, привик, чтобы его слушали и не перебивали.

— Други мои—образганы хозяин к рабочим.— Сегодня мы принимаем в школу детей ваших. Мы обогатим их грамоте и многообразным ремеслом. А за это после обучения они должны отработать и отработать, чтобы покрыть наши издержки с слагодоростью. Старший сын мой,—Прохоров указал на Ивана,—теперь в годах и силе. Он будет поощрять сей школу.

Тут новый пощамсчал встал список и начался отбор. Иван страдал одышкой, но и он решил связать речь. Он кашлянул, колыкнув брюхом и рываючи:

— Мы решим начать благоденствие. Однако же не измерим бросать капитал в помойную яму, эрл. Отцы ребят должны подписать договор.

Иван указал на пачку бумаг, лежащих перед ним.

— Мы отберем самых лучших, сильных и крепких здоровым ребят. А то, сами посудите, возьмем слабеньких, обучим, удем денсика, а паренек, галды и звачикет, не успеет отработать хозяйничанья, а вы будете плакать. Наше здоровье мастер отдает вам, его благоденствие.

Иван указал на того человека со светлыми пуговицами и продолжал:

— Человек он учений, 25 лет был учителем в казенном училище. Мы пригласили его главным наставником нашей приуготовительной к ремеслам школы.

Бельгиец, не скрывая своего негодования, встал и, зажав руки за ягодицы, подошел к уштеру и

взял с подоконника розги. В класс наступила напряженная тишина. Тизан широко открыл дверь и выбросил розги во двор.

— Кто этот?—изумился наставник.

— Наш главный мастер, красн уштер фабрики.. Француз,—вылетели отец и сын.

— А... сивилоет. Волюдуемте,—наставник закрипела зубами и, гордо отгнув голову, процедила сквозь зубы:

— Царь птиц, могучий орел, и тот утун орлат свои—быть крылом. Чем же вы, сударь, замне инте розги, которые вывалюли выбросить?

Потом спокойно, как ни в чем не бывало, крикнул:

— Михаил Пшеничи!

показал, как краски готовятся, тесер в чаше и пономей Мордада ваюю. И читает умело.

Иван шепнул:

— Этого взять. Договор закроет его на долгие годы. Делайки, жуеуный паренек.

— Иди на место, ты прият.

— Да я не хочу. Я большой вест.

— Ничего, выладоревеши!

Тут вышел один из грустных рабочих:

— Прочтете-ка, доселека, какой отцы должен договор подписать.

Иван кинулся и пискар прочел заранее заготовленный договор с отцом одного из мальчишек. Чтасика востановил пятнадцатого года, мая 25 дня, а, нежестодившийся, Иван Андрея

Фото из собрания. Материалы из истории Прохоровской швейной фабрики. Москва, 1915 г.

Импрессионный совет фабричной школы Прохоровской швейной фабрики (1912 г.)—рабочие, помощники, мастера, инженеры, чиновники

К столу подошел Мишка-эвонар, горластый митар. Ему было 14 лет, дал своего возраста он был достаточно рослым и крепким.

— Покази зуби!

У Мишки не было переднего резца.

— Куда делась зуб?—строго спросил Лука Илчич.

— А это... Тимошка выбила, злодейский сын.

В драке.

— Ну, если в драке, ничего. Принять! С Алексеем Жемучки!

С места сорвалась бельгийщица, которая несла провоневе «Лука Обиндуванна». Она была злова и при ней ждало трое малолетних ребят.

Она саватила за руку шидельного мальчугана лет десяти, подвела к столу и запыхала.

— Примите его, благоденствие вы наши. Вдова я.

— Покази зуби!

— Так... Все зубы кривые.

Иван шепнул:

— Тощий ошеч.

— Ноголет.

Илчичулина заплакала и стала причитать.

— Выньтеде бабу на волю... Сладушчиный Иван Расторгов!

Из задних рядов ребят выскочил курчавый паренек лет пятнадцати. Лицо его было совершенно белое. Он сконфузиленно поглядывал на начальство.

— Оу-ти! Вест залепай! Где это ты вымазался?

— А вот Тимоша ушат с краской мне на голову вымазал.

— У тебя, пареня, зубы хорошие.

— Учиться я не буду. Ну вас за фиг... Мастер

Хвостов выкалдил себе условие с купеческим сыновьями бр. Прохоровыми в том, что отдал им издательский сына своего Евлава в научение фабричному мастерству и нужным для него знаниям на пять лет над всем хозяйской содержанием со следующим при этом договором:

1) Сному эмому находится у хозяев и мастеров в полном послушании, а в случае неответственности моего предло что, навалать.

2) Хозяйскую одежду сохранять в чистоте и целости, без позволения от двора не отлучаться; в кулачный бой не ходить, в карты и другие игры бесцельно играть.

3) В случае если посомрут по болезни какие либо протуги, то после обучения за пропущенные дни отнять и отработать.

4) По окончании отнять и отработать хозяйничанья пять лет безоговорочно, получая жалованье. За извлеканием от себя народа представляется бр. Прохоровым передать сына моего другому достойному хозяйничанью...

Между тем, не слыша чтения договора, педагог продолжал выговаривать будущим своим ученикам:

— То и дело самнахителю отравитесь фразой: «Скромно и неговоря злое? Не лишний? Запомни: у тебя 23 зуби, а как кончить школу будет 32».

Наронек приходящий наевоубовал 30 мальчишек.

Начался общий подписание договоров. Все родители были неразумны и степенно встали подписать три креста.

Примем был заключен. С этого момента мальчишки были заперены и на долгие годы приваляжи на фабричанину.

ВЫХОД ИЗ ГИДЖ

— Как нам выжить?—С таким вопросом к нам очень часто обращаются—and и писателю и на лекциях—наши читатели. Вопрос этот в молодежном быту занимает последнее место. По мере роста материального благосостояния рабочего класса, в том числе и рабочей молодежи, здоровье взрослых и трудоспособность молодежи (хорошо, славно) — это вопрос одежды, эстетики, возраста и бранных поворотов. — Очерком Е. Кригера же отвлечемся ряд выступлений «Скромн», посвященных одежде, «моды», продукции Швейцарии, выработке нового, советского стиля одежды и т. д.

Мы ждем от читателей отзывов и предложений по существу затронутой нами темы.

Дань бывает простая и сложная, беспринципная и принципиальная.

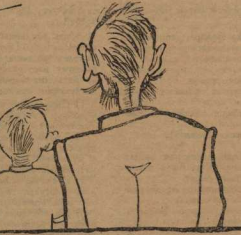
К примеру простой данью относятся например: тулупы, пальто, дымные шапки, произведенные английской романисткой Оливией Уэлсли, туны британского лесного, картошка податка, карандаш, которым писались эти статьи (он выросшая, будто графит предположительно милое изделие, а потом всматривая и склеивая в деревянную оправу), ситро, отдающее хозяйственным мылом, стрелочные в глаз спички, проваленный стул и так далее.

Все это — дань бессорной, скромной, без притязаний и без задух мыслей. Дарю, как дарю.

Существует однако даря сложная и принципиальная. К этому разряду относится некоторая часть продукция нашей швейной промышленности. Вы приходите в магазин, видите от 40 до 80 руб. и в качестве эквивалента этой суммы получаете набор приспособлений (пиджак, шляпка, штаны), искусно превращающих вас в бесформенного, физически непохожего человека.

Казалось бы, это даря простая. Но мажорное впечатление. На самом деле это даря сложная, ибо с последними пугновками к ней пришиваются также кушечки прищипки.

Надев это приспособление, вы отправляетесь к родным

Родные спрашивают, как давно на вас нехорошо травма и почему врачи так плохо вас слышат...

Она встречает вас грозом моторов, комбайнов, электромосков. Скорее всего тройка-тройка делается как трактор, машина. Подобно комбайнеру акробатично обжигает на своих машинах неботорные поля трино, бобрина и сурца.

Все возмущается этот индустриальный пейзаж. Вы вспоминаете, что по размаху машинной техники наша швейная промышленность опередила Европу и Америку. Миллионы шапков, поачина пиджаков и жакетов, летящих впереди и пальто текут из конвейеров, огибают города и деревни, области и республики Союза. Напор этого потока достояния силе; он омыкает не только крупные рабочие центры, он журчит в самых мохнатых мохнатых углах, оседает на самых отдаленных прилавках торговых лавок и дождикам.

Но, боже мой, что за странное кососное штаны, что за угрюмые пиджаки?

— Что вы со мной сделали?—спрашивает вас капитан Московский, его другам и коллегам, пиджаки в мануфактурных формах и реках.

— Успокойте, товарищ,— отвечает привычные к бурям капитаны.— Что случилось?

— Что случилось? Я купил вас костюм.

— Получайте, несчастный,— философски замечает капитан.

— Да!—кричите вы, распевающие не только своим злым горем, но большим солонным морем слез, проливаемых и вливаемых каплями.— Разве это неистина? Это катастрофа. Слеза и тогда, чем справа. У меня такие длинные руки, что ваши рукава едва покрывают их до локтя. В то же время и короткая, сморчок, фитолава, потому что пальм ванно пиджака достигают колен и доходят, как кавалерийская зинька. Что вы со мной сделали? Что это такое в самом деле?

— Это?—любознательно спрашивает капитан, притрагивая к вашему костюму.— Это результат большой работы Московские над проблемой советской одежды. Это не плохой костюмчик. Почему именно не плохой костюмчик?

Потому именно, что его впечатление строго соответствует анимам тела потребителя, в объем и целом отвечать естественной его конфигурации.

— Это мой естественная конфигурация?—вопросите вы, потрясая раздувающим боком и фалитом.— Это не плохой костюмчик?

— Это мой естественная конфигурация?—вопросите вы, потрясая раздувающим боком и фалитом.— Это не плохой костюмчик?

Подваленный вашей внешностью, капитан умело меняет направление спора.

— От красивого костюма, умно стилизованного, мягко говорит он.— Мы совсем не ставим себе задачей шить советскому потребителю красивый костюм.

— А если вы хотите что-нибудь особенное,— угрюмо заканчивает он,— так идите в пошивочную мастерскую. Там есть красивый костюмчик—это беспринципно, бездумно, это стрелка.

Несмотря на то, что этот разговор занесен отнюдь не со стенографической точностью, смысла его можно правильно передать мозжечковыми настроениями.

Дарю, отнюдь подчас получает потребитель из мозжечковых руб.—это не просто даря, а даря «принципиальная». Задавшему пожеланию целью уют от подваления гиланду Западу, капитаны италий и лондон, принципиально не хотят одевать советского потребителя в сколько-нибудь изящный и внешне привлекательный костюм. Сами же, они не замечают, что унылым поворотом своих алаточных пиджаков они подкарауливают все тому же буржуйскому Западню, но Запад протестует. Оттого, что видна уродина, он не перестает быть пиджаком. Он просто плохой пиджак. Никто же требует от капитана, чтобы он одевал советского граждан в костюм «принцип», приходящий человеку подкармли, алуанский вид. Но зачем же провозглашать идеолом и поднимать, как знамя, само изнедавление, безформенно, алаточное изделие того же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

— Это философия от бездумности, от неумения, переносить на человека, что же буржуйского пиджака, утрачивая при этом, что это наиболее эластичная просторная костюм, ибо отвечает естественной конфигурации тела?

КОМСОМОЛЬСКАЯ СКАЗОЧКА
О ДВУХ ОГНЯХ

1

Жил-был Ваня Кумин. И жил он между двух огней. Один огонь-полями — бюро района, а другой огонь-полями — Васильковский козавод.

Не отговаривали Ваня Кумин, но исполнен был к одному и другому огню почета, уважения, честь-честью...

И все Ваню в пример ставили. И жил бы так Ваня, понимая да ударное задание выполнял.

2

Случилось однажды, наказывает бюро района Ваню на бураки выехать. А пошла да не отпускает:

— Не пушу и не пушу! У меня у самого прорыву дня не видать!

И пошел Ваню огонь-полями на полями-огни. Райком на заводоуправление, заводоуправление на райком. Кто, мол, Ваню распрямляет волею?

Мечется Ваня между двух огней, а покула Ваня металас, бюро района строгий выговор ему и заеласво.

3

Проходит не год, не два, а неделя и месяц — и опять Ваню райком наказывает с бригадой на бураки выехать.

А директор завода: — Не пушу и не пушу! Категорически не пушу!

Мечется Ваня между двух огней. А как на комсомольский строгий выговор жаловал, так и мяркнула с завода в совхоз на бураки, только его и видели. И перемыслил Ваня норму на 200 пров.

Вернулся Ваня героем на завод, ан там уж директор завода «строгий выговор» Ваню закатил.

Рис. В. Васильева

И стало у Ваню два выговора...

4

А тут опять проходит не месяц, не два, а наступлет март месяц — пора сперариним севою заняться.

И наказывает Ваню райком немедленно на село выехать.

А директор завода: — Не пушу и не пушу! Категорически не пушу!

НА «ПОЛЕ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ...

Рис. И. Сельсенова

— Товарищи, почему вы пятый день не выходите в поле? Да вот... Все еще не можем закончить «апорта» о победас.

(Из жизни Бринкинской явчак, чурловского района).

Варгану Ваня на два своих выговора — от райкома да от завода и видит, что директор «третьем выговоре» хлюпчет:

— Не пушу на село! Я тобою распрямлю! Ни с кем тебя не разделю!

А райком с директором не согласовывает.

И из Ваню кричит да ногами топчет:

— Василька, паршивца, на село по-лабру, по-лабру!.. А не то комсомольского тебе не бывать и комсомольского билета не видать!

5

Мечется Ваня между двух огонь-полями, что делать ему, секретарю итешя, лучшему ударнику козавода, носову яр превращиванию заводом да два раза райкомом. Какой огонь спалит его?

И покула разминула Ваня Кумин, бросилас на него райкомовское полями да как забусовало ветром-бурей:

— Вытрянный комсомольский билет! Дотрой раз не будешь играть с огнем!

А у Ваню уж голова горит — огонь кругом с завода огонь и с райкома огонь. И закричал Ваня криком-вопалем!

— Спасите меня, комсомольцы добрые! Между двух огонь-полю, а света не вижу.

6

Я в Василькове не бывал, бурака не слав и по усам у меня не текло... и вилком там не испало. Неужели так и не полатит?

7

Я не скалку связываю, а чистую правду...

БРАТЯ ГРИМСКИЕ

В СТУДСТОЛОВЕ

Рис. В. Васильева

— Товарищ, выньте пельмичи из супа.

— Ничего... Суп у нас не горючий.

ГРИГ. ПРОТИВ

ОТВЕТИТ, КАК ВСЕГДА...

— Вот тут постановление об ошибках газетки и ее руководствас, — протививает секретарь редактору буряку из райкома. — Предлагается опубликовать!

Не отрывался от чтения «Золотого телесика», редактор буряку!

— Опубликуйте, как всегда: «Руководство, к сожалению, воспользоваться не можем и с благодарностью возвращаем обратно».

АВТОМАТЫ

Люди механические...

люди автоматы...

Механики работают...

безупречно четко...

Схемы... установочник...

директивна...

штатим...

Раз Пакеты слушаются...

Два-с... извольте...

сводис...

— Делоные люди мы...

некогда дурчаться...

(К массам автоматически...

холодим и немал!)

— Месса?... — ет, не...

числитас...

— Месса?... нет, не...

звечитас...

Месса не...

встречитас...

не пошла в систему!

ГР. ПР.

ПЛЫВЕМ—ОТДЫХАЕМ

НА БОРТУ ПЛОВУЧЕГО ДОМА ОТДЫХА

УТРЕННЯЯ ЗАРЯДКА НА ПАЛУБЕ